

Лилия Орланд

Люди меня
ЧЕРЕЗ ГОДЫ

КНИГА 2

Лилия Орланд

Люби меня через годы. Книга 2

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63715318
Люби меня через годы. Книга 2: Лилия Орланд Неискл;*

Аннотация

Я многого добилась в жизни. Во многом благодаря неудачной первой любви и человеку, разбившему мне сердце.

Сейчас я вынуждена вернуться в тот город на берегу моря, где когда-то была безумно счастлива и так же безумно несчастна.

Мне нельзя с Ним встречаться. Ведь вот уже десять лет оберегаю тайну, о которой Он не должен узнать.

Но мы вновь оказались вместе: Он, Я и Анапа.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	25
Глава 5	42
Глава 6	56
Глава 7	70
Глава 8	75
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Лилия Орланд

Люби меня через годы

Книга 2

Глава 1

Мой папа заболел.

Мама позвонила около семи утра и сообщила, что его увезла скорая. Я испугалась. Наверняка с отцом случилось что-то серьёзное. Мама не стала бы беспокоить меня по пустякам.

– Мам, я приеду, как только смогу. Держись там, ладно?

– Хорошо, доченька, – даже голос у неё был какой-то усталый и поникший.

Она отключилась, а я продолжила сидеть с телефоном в руках, невидяще глядя перед собой.

– Это кто так рано? – Сева вылез из-под одеяла, широко зевая. Его светло-золотые кудри, обычно лежавшие красивыми волнами, были растрёпаны. На щеке остался отпечаток подушки. А сонное лицо было по-детски очаровательным. Сева никогда не выглядел на свои тридцать четыре. У него даже иногда спрашивали паспорт в винном магазине.

Но сегодня я не умилилась, как обычно, глядя на него.

Тревога за родителей занимала все мои мысли.

– Папа заболел. Надо лететь в Анапу...

– Какая Анапа? – Сева даже проснулся при этом известии и посмотрел на меня вполне осмысленным взглядом. – Тебя в сентябре ждут в Париже!

– Думаю, я успею, – выдохнула и откинула одеяло. Я приняла решение и не хотела обсуждать его с Севой.

– Ты же понимаешь, что такой шанс бывает раз в жизни? – он всё не унимался.

Стоял рядом, пока я насыпала кофе в машину для варки эспрессо и закладывала в тостер ломтики белого хлеба. Он перечислял плюсы работы в Европе и для меня, и для Тёмы, и для самого Севы.

Сева – 3D-художник. Он рисует компьютерные игры. Ему всё равно, где жить, главное – чтобы был скоростной Интернет.

Но, как любой творческий человек, он обитает где-то в своей отдельной реальности. И иногда меня поражает его бесчувственность к проблемам других.

Я почувствовала, как от его голоса начинает болеть голова, и ушла на лоджию. Лишь услышав, как за ним закрылась дверь ванной, вернулась в кухню, где меня уже ждала полная кружка.

Наконец я смогла сделать первый глоток кофе. По горлу разлилась горячая горьковатая сладость. Именно с этого должен начинаться день. Всё, что происходит до этого момента,

выбивает меня из колеи. А вот теперь я способна принимать взвешенные решения.

– Сев, лучше забронируй мне билет на ближайший рейс, – попросила, когда он вернулся.

По выражению его лица я поняла, что Всеволод надеялся на другой ответ.

– Шура! Ты губишь свою карьеру! – произнёс он с надрывом, но послушно открывая ноутбук.

Как будто я не знаю, что предложениями от французского отделения журнала Cosmopolitan не разбрасываются. Надеюсь, что папа вскоре выздоровеет, и я смогу поехать в Париж.

Больше не слушая Севу, вернулась в спальню и начала вытаскивать из шкафов вещи, которые понадобятся мне в Анапе. Надо же, я всё-таки лечу туда.

Даже не верится.

Десять долгих лет я не появлялась в этом городе, где когда-то была безумно счастлива и так же безумно несчастна.

Огромнее спасибо родителям, которые понимали моё нежелание возвращаться туда, и сами прилетали в Питер. Вдвоём или по очереди. Чтобы вместе встретить новый год или забрать Тёмку на лето.

Они мне очень помогли, поддержали, когда это было необходимо. И теперь я просто не могу остаться в стороне. Сева этого не понимает. Он почти не общается со своими родителями, которые живут в сельской глубинке. Я с ними

даже не знакома, хотя мы живём вместе больше года. И Сева сделал мне предложение несколько месяцев назад.

Если точнее, когда мне пришло приглашение от Cosmopolitan, и я собралась переезжать в Париж. Может, именно это всё ещё удерживало меня от окончательного ответа.

Хотя кольцо я приняла.

Посмотрела на довольно крупный бриллиант и покрутила тонкий золотой ободок на пальце. Это уже стало привычкой, когда я о чём-то задумывалась.

– Купил билет на сегодняшний вечер. Я ведь правильно всё понял – тебе нужно там быть как можно скорее? – голос Севы вторгся мои мысли.

– Да, спасибо, – я улыбнулась, внутри привычно шевельнулась нежность. Не такой уж он и эгоист. Иногда Сева может быть очень милым и заботливым.

Поздно вечером он отвёз меня в Пулково¹.

– Надеюсь, твой папа выздоровеет, и к августу ты вернёшься. У нас ещё не все документы готовы.

Я усмехнулась. В этом весь Сева – то оказывает помощь и заботится, а то вдруг снова показывает, что главное в жизни – это его желания. Он так и остался легкомысленным мальчишкой, творческой личностью, но в этом и заключается большая доля его обаяния.

Когда я взошла на борт, на улице уже сияли летние су-

¹ Международный аэропорт в Санкт-Петербурге.

мерки. Я люблю белые ночи, но иногда мне очень не хватает непроницаемой южной тьмы.

В Анапе уже давно царит мрак.

Я поставила сумку в отсек для ручной клади и удобно разместилась в кресле. В иллюминаторе отражались огни взлётной полосы. Сердце тревожно затрепетало. Совсем скоро я увижу Чёрное море и его берег, который до сих пор являлся мне во снах, несмотря на то, что прошло уже десять лет.

В соседнее кресло тяжело опустился грузный мужчина.

– Добрый вечер, – произнёс он с одышкой.

– Здравствуйте, – надеюсь, в моём голосе не было слышно разочарования, я уже размечталась, что полечу без соседей.

Стюардесса разъяснила технику безопасности, которую никто не слушал. Все пассажиры были погружены в свои мысли. Самолёт набрал высоту.

Яркий свет в проходе погас, остались только жёлтые глазки лампочек над креслами. Я взглянула на часы. Уже полночь. Новый день начался. День, когда я снова окажусь в своём прошлом.

Глубоко вдохнула, стараясь унять сердцебиение. Вряд ли я встречу с ним. Он сейчас в Москве. Я тоже буду там через два часа, но не покину здание аэропорта. Это всего лишь пересадка на другой самолёт.

СМИ часто писали о нём, как о завсегдатае звёздных вечеринок. Ещё они часто писали о его жене и дочери...

Всё!

Хватит о нём!

По проходу снова прошла стюардесса, предлагая пледы. Я взяла один. Надо пытаться хоть немного поспать. Завтра будет сложный день, ведь я возвращаюсь в Анапу.

Глава 2

Ярослав замер и прислушался к голосу диктора. Похоже, объявляли посадку на его рейс. Логинов сделал последний глоток и отставил свой стакан. Больше ему не понадобится алкоголь, чтобы успокоить нервы.

Он возвращается в Анапу.

Несмотря на ночь, аэропорт был полон людей. Ярослав шёл не спеша, рассматривал пассажиров. Это уже давно стало частью его профессии. Многие люди, которых он видел в жизни, впоследствии становились героями его книг.

Ярослав Логинов – популярный автор детективов. Он усмехнулся. Кто бы мог подумать, что его стезёй станет отнюдь не серьёзная журналистика.

Писать закрученные детективные истории он начал, скорее, от скуки, чтобы чем-то занять ум. Когда его первый же роман издали, Логинов только посмеялся – гонорар был просто смешным. Но книга имела большой успех и пошла на переиздание. Сумма увеличилась.

А после второго удачного романа Логинов подписал с издательством весьма выгодный контракт. Теперь он был автором с именем.

Сейчас Ярослав обдумывал новый сюжет и искал подходящую героиню. Недавно его упрекнули, что все женские персонажи в его книгах – невысокие стройные блондинки с го-

лубыми глазами.

Ему нравились блондинки. Уже десять лет как нравились. Хотя жена Ярослава была эффектной рыжеволосой красоткой, которой он даже и не думал хранить верность.

Впрочем, о жене думать не хотелось, именно из-за неё он и шёл сейчас по залу аэропорта.

Перед Логиновым вынырнула симпатичная попка, обтянутая узкими светло-голубыми брючками. Ярослав почувствовал заинтересованность – может, это она? Его новая героиня.

Длинные ноги ещё больше удлинляли туфли на шпильке. Сверху – такой же, как и брюки, светло-голубой пиджачок. А вот волосы, как и следовало ожидать, белокурые, почти платиновые.

Блондинка.

Логинов тяжело вздохнул и перевёл взгляд дальше в толпу пассажиров. Ну что его так тянет на блондинок? Хотя он знал почему. Но старался об этом не думать.

Ярослав повернул голову вправо, стараясь найти что-то интересное. Но всё было не то. Другие женщины его не цепляли. А блондинка, как назло, растворилась в толпе и исчезла из виду. Жаль. Он так и не разглядел лица. Хотя, кого он обманывает, за всем разнообразием лиц Логинов всегда видел лишь одно...

Симпатичная попка остановилась и, нагнувшись, что-то искала в своей сумке. К несчастью, или совсем наоборот, Ло-

гинов не смотрел вперёд. Он рассматривал женщин слева от себя.

Преграду спереди он заметил непосредственно перед столкновением, когда уже просто не успевал не то что сместить курс, но даже и элементарно затормозить. До симпатичной попки оставалось каких-то полшага, когда Ярослав повернул голову и увидел, во что сейчас врежется.

Определённо, судьба сегодня к нему благосклонна, потому что ему понравилось. А может, стоит поближе познакомиться с этой блондиночкой? Обладательницей самой симпатичной (и мягкой) попки в аэропорту Внуково².

Чёрт с ней, с этой Анапой. Туда он может полететь и завтрашним рейсом.

Все эти мысли пронеслись у него в голове за пару секунд, что он рефлекторно придерживал женские бёдра, прижимаясь к ним. А затем блондинка распрямилась и повернулась к нему.

Ярослав узнал её в тот же миг.

Она уже раскрыла рот, чтобы набрать побольше воздуха и высказать нахалу всё, что полагалось сказать возмущённой женщине в такой ситуации. Но тут он заметил, как её глаза расширились лишь мгновение спустя.

Узнала.

Она отпрыгнула в сторону, как будто он был болен чем-то жутко заразным.

² Международный аэропорт Внуково им. А.Н. Туполева в Москве.

– Привет, – Логинов не нашёл ничего лучше, чем ослепительно улыбнуться. Использовал ту самую обаятельную улыбку, которую расточал для своих поклонниц.

Дурак.

Это же Барановская. С ней подобное не пройдёт, потому что она всегда зрит в корень, схватывая самую человеческую суть. Улыбка ловеласа вряд ли придётся ей по вкусу.

Единственное, что могло служить ему оправданием, Ярослав просто не ожидал этой встречи. Да и как он мог ожидать?

Сашка его не разочаровала. Скорчила гримасу отвращения, подхватила сумку и бросилась бежать сквозь толпу. На шпильках.

Логинов смотрел ей вслед и улыбался во все тридцать два зуба. Им овладело какое-то хмельное веселье, когда даже море кажется по колено. Словно он снова стал семнадцатилетним подростком, когда всё впереди, и первая любовь расправляет крылья.

И вообще, это наверняка хороший знак, что он решил развестись с женой, купил билет в Анапу и тут же наткнулся на Барановскую. В прямом смысле этого слова.

Не переставая улыбаться, Логинов поднялся по трапу самолёта. Пока следовал к своему месту, рассмотрел всех пассажиров.

Сашки не было.

Ярослав почувствовал укол разочарования. И улыбка со-

шла с лица. Как же так? Неужели он ошибся, и она летит не к родителям? Неужели они случайно столкнулись в аэропорту, чтобы больше не видеться ещё десять лет?

Нет, судьба, ты не можешь быть так жестока! Ведь Ярослав Логинов – счастливчик, которому всё удаётся. Единственный его прокол за всю жизнь – это Сашка Барановская. Первая любовь, разбившая ему сердце. Она не может повторить это опять.

В салон вошёл ещё один пассажир. И они встретились глазами.

Спасибо, судьба!

Логинов всегда знал, что он счастливчик. И ему в очередной раз повезло. Барановская летела в Анапу. Летела вместе с ним.

Он сжал под рубашкой кулон, с которым никогда не расставался.

Глава 3

Меня колотила крупная дрожь.

Это ж надо было так влипнуть. Ещё не прилетела в Анапу, а уже столкнулась с этим мерзавцем. А иначе его я теперь называть не могла. Не после того, как он обошёлся со мной. Унизил на глазах у сотен пассажиров!

Казалось, все взгляды были устремлены на меня. И все понимали, что произошло, что он снова посмеялся надо мной.

Мерзавец! Сволочь! Подонок! Гад!

Внутри всё кипело от праведного возмущения, гнева и стыда.

Я зашла в туалет, умыла пылавшее лицо. Встала перед зеркалом, глядя на своё отражение.

Глаза горели, щёки покраснелись, волосы растрепались. Да уж, видок ещё тот. Нужно немедленно взять себя в руки. Оставалось всего полчаса до самолёта.

Я глубоко вдохнула и выдохнула. Поймала свой взгляд в отражении.

– Саша, ты взрослая, состоявшаяся женщина. Этот придурок из прошлого не имеет над тобой никакой власти. Да, он посмеялся сейчас над тобой и унизил... Но если бы не он, у тебя не появился Тёмка. Значит, было и что-то хорошее...

В туалет зашли две женщины, и я сделала вид, что просто мою руки. Не хватало ещё, чтобы меня заметили за разгово-

рами со своим отражением. Поэтому продолжила монолог мысленно.

Это была случайная встреча. Да, неприятная. Но этого больше не повторится. Он летит на очередную встречу с читателями, потом вернётся домой, к семье. И вы больше никогда не пересечётесь.

От последней мысли почему-то стало грустно.

Я попыталась снова настроить себя на злость по отношению к Логинову. Но вспышка уже прошла, опустошив меня. Я чувствовала себя усталой и вымотанной, будто спускалась на байдарке по горной реке, сверху донизу. Хотелось просто упасть в своё кресло и проспать остаток пути.

Ещё раз глубоко вдохнула, поправила волосы, улыбнулась своему отражению и пошла на посадку.

Молодец, Александра! Так держать! Ты со всем справишься. Не в первый раз.

Зайдя в салон, первым делом пробежала глазами по пассажирам. На всякий случай.

И тут же наткнулась на пристальный взгляд цвета гречишного мёда. Да что ж за наказание такое!

Я попыталась повернуть назад, но меня в спину уже подталкивали другие пассажиры. Пришлось найти своё кресло и сесть в него, ожидая, когда освободится проход. Лететь два часа в одном самолёте с этим мерзавцем я не была намерена.

Ни в коем случае.

Обернулась. Его место находилось через два ряда от мо-

его. И, как и следовало ожидать, он следил за мной. Заметив, что смотрю на него, отсалютовал двумя пальцами, приложенными к виску. Я тут же отвернулась. Ещё не хватало, чтобы Логинов подумал, что я проявляю к нему интерес.

Да мне даже думать о нём не хотелось! Дышать одним воздухом!

Кажется, уже все пассажиры расселись. Можно выходить.

Я подхватила сумку, которую держала на коленях. Извинилась за беспокойство перед тучным мужчиной, который снова сел рядом со мной. И направилась к выходу.

– Стойте, куда вы идёте? – перехватила меня симпатичная бортпроводница.

– Мне нужно... Я вспомнила... – чувствовала себя глупой, поскольку голова плохо соображала, и я не могла быстро придумать важную причину, достойную того, чтобы покинуть самолёт, билет на который был оплачен. И в конце концов, просто сказала: – Мне нужно уйти.

– Это невозможно, – профессионально улыбнулась стюардесса, – трап уже убрали. Мы сейчас взлетаем, прошу занять своё место и пристегнуть ремень.

Она начала наступать на меня, заставляя пятиться обратно в салон.

– Но вы не понимаете... – предприняла я ещё одну попытку.

– Нет, это вы не понимаете, – от её улыбки не осталось и следа. Даже говорила она теперь жёсткими, рублеными

ми фразами, – самолёт сейчас начнёт движение. Вам нужно занять своё место и пристегнуть ремень, чтобы не подвергать опасности свою жизнь и жизни других пассажиров.

Она почти впихнула меня в салон. А я так растерялась, что не смогла ничего возразить. Чувствовала себя как девочка, которую строгий завуч отругала за курение позади школы.

Повернулась. Все взгляды были устремлены на меня. Недоумённые, любопытные, насмешливые. Ещё бы, такой спектакль им устроила.

Логинов тоже смотрел на меня и улыбался. Сытый хищник – именно такое сравнение пришло мне в голову. Ведь я знала, стоит только добыче чуть расслабиться и решить, что она в безопасности, как он нападёт. И тогда уже не спрячешься, спасения не будет.

Было очень неприятно чувствовать себя жертвой, но, будучи запертой с ним в салоне самолёта, настроиться на позитивный лад у меня не получалось.

Нервными движениями попыталась запихнуть сумку на полку. Но что-то постоянно мешало. А мне не хватало роста, чтобы увидеть, что именно. Ещё и сосед бесил до невозможности, нет бы встал и помог. Но мужчина погрузился в чтение журнала, а его габаритное плечо не позволяло мне подойти вплотную к креслу.

Ещё одно слишком резкое движение, и моя ручная кладь просто полетела вниз.

«Ой, там же планшет», – только и успела подумать, как сильные руки подхватили сумку, поставили на полку и закрыли крышку. Я даже не успела никак отреагировать. Просто стояла, закусив губу, боясь, что разревусь тут при всех.

Логинов наклонился к моему соседу и что-то прошептал ему на ухо.

– Конечно-конечно, – забормотал явно смущённый мужчина и куда-то ушёл.

– Садись, – Логинов указал мне на моё место у окна, то есть иллюминатора.

Я подчинилась, исключительно, чтобы не выглядеть истеричкой. Всё-таки из-за этого мерзавца я становлюсь неадекватной.

Дождавшись, когда я сяду и пристегну ремень, он вдруг опустился в соседнее кресло.

– Ну что, поговорим?

Я промолчала. Обернулась к иллюминатору. За окном убегала взлётная полоса. Жаль, что невозможно выпрыгнуть из взлетающего самолёта. Потому что именно это мне сейчас хотелось сделать больше всего на свете.

Пока мы взлетали, я сидела, отвернувшись от Логинова. Но чувствовала увеличение давления не только из-за набора высоты, но и от устремлённого на меня пристального взгляда.

– Нам нужно поговорить, – наконец повторил он.

У меня внутри всё сжалось. Вот сейчас Логинов скажет,

что знает о Тёме...

И что тогда?

Я не могла даже близко представить, как он себя поведёт. Не захочет ли забрать у меня ребёнка в отместку за годы молчания.

Поначалу, когда я только узнала о беременности, у меня ещё был шок. Я ещё не отошла от известия об измене самого важного для меня человека. Я была ещё очень зла, и мне даже в голову не пришло делиться с ним известием.

Да и сложно представить, как бы мы вместе воспитывали ребёнка. Два восемнадцатилетних подростка. К тому же для меня сама мысль о нём была болезненна.

По прошествии времени я остыла и успокоилась. Ненависти уже не было. А Тёма стал светом моей жизни.

Иногда у меня мелькала мысль о том, чтобы рассказать Ярославу. Особенно, когда мой малыш начал спрашивать о папе.

Но потом из новостей узнала, что Логинов женат, и что у него уже есть дочь.

Тогда я снова начала злиться. На себя. За то, что подспудно питала какую-то дикую, глупую, нет, скорее, даже идиотскую надежду.

Надежду на что?

Этого я не могла сказать даже самой себе. Просто боялась признаться. Чувствовала себя слабой и уязвимой. И от этого злилась ещё больше.

Чтобы не думать, я полностью посвятила себя двум составляющим – Тёме и работе. О какой-либо личной жизни даже слышать не хотела, игнорируя советы подруг.

А потом появился Всеволод. Он подошёл ко мне в кафе, куда я забежала перекусить во время перерыва в съёмках.

Я была растрёпанная, взбаламученная. Просматривала на экране камеры отснятый материал, мысленно составляя список того, что ещё необходимо сделать. Если честно, даже не до конца понимала, что мне говорит этот симпатичный молодой человек. Быстро доела свой суп и убежала обратно на площадку, проигнорировав его просьбу оставить номер телефона.

Тем удивительней было, когда он всё-таки нашёл меня, оставив сообщение в соцсети.

Тёма был у родителей. Подруги наперебой уговаривали меня не упускать такой шанс. И я пошла на свидание.

С Севой было легко. Он не упрекал меня за постоянные отлучки, командировки, задержки на работе. Терпеливо ждал, когда я выкрою для него время. Постоянно дарил цветы.

На близость я решилась далеко не сразу. Даже поцеловать себя позволила после месяца общения. Если не больше. Но и здесь Сева меня не упрекал и ничего не требовал.

Возможно, поэтому я и решилась.

Но всё равно сначала чувствовала себя предательницей. Как будто изменяю Ярославу...

Знаю, что это было глупо. Прошло столько лет. Всё давно похоронено и забыто.

Зато потом, когда мы стали близки, почти сразу предложила Севе переехать к нам, чтобы не тратить время на дорогу из его съёмной квартиры до дома по утрам.

Тёмка был не против. К тому же Сева мог оставаться с ним, когда я уезжала.

В общем, моя жизнь была сложившейся, устоявшейся, где всё разложено по полочкам.

И тут снова появился Логинов...

– Что ты от меня хочешь? – я наконец набралась смелости и повернулась к нему, взглянув прямо в глаза.

Мне нужно было знать, чего от него ожидать.

– Просто поговорить, – он улыбнулся одними уголками губ. Его тёплые медовые глаза опять затягивали, заставляя вспоминать того мальчишку, которого я когда-то полюбила.

И обожглась!

Пришлось напомнить себе об этом, чтобы не расслабляться в присутствии хищника.

– О чём? – голос был резче, чем я хотела. Всё-таки нервы в его присутствии становились ни к чёрту.

– О чём угодно. Например, о тебе, – предложил Логинов, пожав плечами, как будто это, и правда, было неважным, и он только что придумал тему. – Мы давно не виделись. Как ты поживаешь?

Вот так просто? И никакого упоминания о Тёме?

Значит, он не знает. Облегчение было таким сильным, что с губ слетела усмешка. Но Логинов воспринял это по-своему.

– Да, я накосячил в прошлом, – теперь он выглядел смущённым, – но ведь прошло столько лет. Мы можем попытаться быть... друзьями?

Я вскинула на него глаза. Друзьями?! Что за бред он несёт! После того, что между нами было? После того, как он разбил мне сердце?

– Ты разбил мне сердце, – последнее я повторила вслух.

– Моё сердце тоже было разбито, – теперь он смотрел прямо перед собой, как будто ему было больно глядеть на меня, как будто он переживал ту же боль, что и я.

Какое-то время мы молчали, думая каждый о своём. А может, об одном и том же.

Самолёт уже набрал высоту. И теперь мы летели над плотным слоем облаков, похожих на комковатую вату.

– Решила навестить родителей? – его голос снова вторгся в мои мысли.

– Да, – кивнула и вдруг поняла, что уже не напрягаюсь в присутствии хищника. Что больше его не боюсь.

И вот это было совсем неправильным, потому что было опаснее всего. Расслабиться – значит, потерять контроль. А потеряв контроль, можно с легкостью снова угодить в его сети.

Тем более Логинов был совсем не похож на Севу. Рядом с ним я не могла оставаться спокойной. Мои эмоции меня-

лись чуть ли не каждую минуту. Этих двоих мужчин было невозможно даже сравнивать.

Как можно сравнить тайфун и лёгкий грибной дождик?

– Позволишь? – приподнялась в кресле. Логинов убрал колени в сторону, чтобы я могла пройти.

Мне нужно было остаться одной, прийти в себя, абстрагироваться от ситуации, оценить её со стороны. Когда он сидел рядом, когда я чувствовала тепло его тела, тот самый лесной аромат с лёгкой горчинкой...

Я теряла способность мыслить здраво.

О каком уж контроле тут можно было говорить? Нет, мне нужно держаться от него на расстоянии. И чем дальше, тем лучше.

Я подошла к бортпроводнице и попросила подыскать мне место в носу самолёта, потому что меня укачивает. Знаю, причина была довольно надуманной. Мы же не в автобусе. Но, к счастью, девушка пошла мне навстречу и усадила в свободное кресло.

Логинов растерянно взглянул на меня, когда я проходила мимо. Но я тут же отвернулась. Не собираюсь ему ничего объяснять и оправдываться.

И очень надеюсь, что в Анапе мы больше не столкнёмся. По крайней мере, я приложу для этого все силы. Так будет лучше для всех. И в первую очередь для меня самой.

Глава 4

До конца полёта Логинов больше не беспокоил меня. Но на выходе из аэропорта снова нагнал:

– Саш, подвезти тебя? Ещё ночь, на улицах может быть небезопасно.

Опаснее всего для меня было находиться рядом с ним. После этого я собирала свою жизнь из осколков. Не собираюсь допускать повторения.

Я глубоко вдохнула, досчитала до десяти и только после этого обернулась к нему.

– Ярослав, – произнесла это имя впервые за десять лет, – разве я не ясно дала понять, что не хочу даже находиться рядом с тобой?

Не стала дожидаться ответа. Тут же отвернулась и пошла к выходу, но всё равно успела заметить, как по лицу Логинова промелькнула боль.

Боль?

Глупости, мне просто показалось. Я постаралась тут же выбросить эту мысль из головы. Но по дороге к стоянке такси обернулась. Он по-прежнему стоял в дверях и смотрел мне вслед.

Я открыла заднюю дверь первой попавшейся машины и назвала водителю адрес.

Ярослав смотрел ей вслед. Его девочка изменилась, стала жёстче, упрямее, научилась стоять за себя и давать сдачи. И в этом виноват он.

– Ярослав Игоревич! – оторвал его от мыслей женский голос. Логинов обернулся. К нему спешила симпатичная девушка в форме стюардессы. – Ярослав Игоревич, ваша собака...

Чёрт! Он забыл про Герду! Барановская всегда лишала его возможности мыслить разумно.

Логинов рванул обратно в здание аэропорта.

Его питбулиха летела в багаже. Как он ни пытался убедить сотрудников, что старушка Герда совершенно не опасна для окружающих, взять её в салон ему не разрешили. Надо будет добыть ей справку собаки-поводыря. В её возрасте вредно летать одной в неотопливаемом багажном отсеке.

Ярослав подошёл к клетке. Его верная подруга всё ещё спала. Пришлось сделать укол. Ветеринар обещал, что действия лекарства хватит часов на восемь-девять. И Герда точно не проснётся среди чемоданов на высоте девять тысяч метров.

Рядом с клеткой стояла другая стюардесса.

– Не переживайте, Ярослав Игоревич, мы за ней приглядывали, можем помочь отвезти её домой, – она улыбнулась,

явно намекая на продолжение знакомства. К ней уже подошла первая и встала рядом.

– Спасибо вам, девушки, даже не ожидал, что в отечественных авиакомпаниях такой отличный сервис, но дальше я справлюсь сам.

Ещё сутки назад Логинов отреагировал бы на такое неприкрытое предложение. Они бы обменялись номерами или сразу поехали бы к нему, провели весёлый вечер, а может, и ночь. Но сейчас это стало неинтересным.

Случайная встреча в аэропорту показала, что все эти десять лет он жил во сне. И только теперь проснулся. И он не хочет обратно в тот сон, в свой прозрачный саркофаг. К жене, которая исходила ядом, словно серой, и даже дыша рядом с ней, Ярослав чувствовал, что живёт в аду.

Хватит с него! С прежней жизнью покончено. Ему нужен глоток свежего воздуха. Ему нужна Сашка!

Девушки сникли, но первая тут же нашлась:

– Ярослав Игоревич, а можно автограф? – она протянула записную книжку.

Логинов оставил девушкам наилучшие пожелания, забрал чемоданы и не спеша покатил клетку со спящей собакой к выходу. Барановская уже уехала, нет смысла её догонять.

Завоевать её снова будет непросто, но он не привык отступать перед трудностями. Что-нибудь придумает.

Вообще, была у него одна мысль. Он собирался устроить Сашке длительную осаду. Любая крепость рано или поздно

сдастся, нужно только проявить терпение. А с этим у Ярослава не было никаких проблем – он терпел целых десять лет. Что ему ещё каких-то жалких несколько недель или даже месяцев?

* * *

Было около пяти часов утра. Отец наверняка спал. Поэтому я решила сначала заехать домой. Нашла оставленный мамой ключ и открыла дверь.

Прежде чем войти, замерла на пороге, вдыхая родной и почти забытый запах. Я не была здесь десять лет. Мимо меня с требовательным «мрр-мяу» прошмыгнул огромный полосатый котиче.

– Кис-кис, ты куда? – я бросилась за котом, который направился прямо в кухню и по-хозяйски сунул нос в стоявшую на полу миску. – Что за наглость? Это же не твоё! Или твоё?

«Мрр», – не найдя в миске ничего интересного, котиче вернулся ко мне и начал тереться о мои ноги, громко урча.

– Мурлыка? Это ты?

– Мрр, – подтвердила зверюга.

– Ох, ничего себе, ты вымахал, – я присела на корточки, чтобы погладить котёнка, которого когда-то нашла в парке. – Ты стал настоящим красавцем. Причём огромным.

Нашла в холодильнике кошачий корм и положила ему в

миску. Мурик тут же забыл обо мне, увлечённо чавкая консервами.

– Настоящий мужик вырос: сначала завтрак, девушки – потом, – с умилением смотрела, как он ест. Каким же большим он стал, а ведь когда-то помещался у меня в ладонях.

Оставив кота в кухне, я поднялась на второй этаж. Перед дверьми своей бывшей комнаты замерла, чувствуя, как снежной лавиной наваливаются воспоминания.

Я знала, что на каникулах здесь жил Тёмка. Он наверняка устроил всё по своему вкусу, но сейчас, не заходя внутрь, я словно видела, как всё там было десять лет назад. Наконец решившись, толкнула дверь.

Ну конечно...

Здесь витал дух моего сына. На стенах висели постеры с Гарри Поттером, а рядом – с Саламандером, тоже победившим злого волшебника. На книжной полке разместились томики о приключениях любимых героев. А на столе лежал «Хоббит» Толкина, эту книгу он начал читать без меня, уже здесь. Рядом стояла деревянная подставка «лесенкой», на которой разместились рыцари на лошадях, фрагменты быстровозводимой крепости из «Лего». В специальном ящике под крышкой спрятаны машинки. В них Тёма играл «в детстве». Сейчас он уже взрослый мальчик и увлекается магией, волшебниками и рыцарями. Уверена, что где-нибудь под кроватью прячется деревянный меч.

Напротив стола – верёвочная лестница, а внизу – неболь-

шие гантели. Сразу видно дедушкино влияние. Грудь перехватило при мысли об отце. Надеюсь, с ним всё будет хорошо. Папа ещё слишком молод, у них с мамой столько всего впереди.

Я села на кровать, застеленную мягким полосатым покрывалом, провела рукой по ворсу. В открытую дверь забежал Мурик, с разбегу запрыгнул на постель.

– Ты спал здесь с Тёмой? – спросила кота, он утвердительно мыркнул и начал вылизываться.

Мне тоже пора в душ. Я открыла сумку, чтобы достать свою косметичку. Но тут зазвонил телефон.

– Ты уже прилетела?

– Да, мам, я дома. Сейчас искупаюсь и поеду к отцу. Ты там? – так странно было слышать её голос и знать, что совсем скоро мы увидимся, что я здесь, рядом. Я дома.

– Я ещё на дежурстве. Освобожусь через час. Тогда и подъезжай, – голос у мамы был тёплый, мне захотелось прижаться к ней и раствориться в ощущении уюта и заботы.

– Хорошо, мамуль, скоро увидимся.

Быстро приняла душ, выпила чашку крепкого кофе и вызвала такси.

Ровно через час я была в больнице.

Мама спешила мне навстречу. На ней всё ещё был белый халат. Она протянула руки, и я со всхлипом нырнула в её объятия, прижалась, вдыхая родной запах.

– Как он? – спросила, прижимаясь к груди, не решаясь

поднять голову.

Она вздохнула, прежде чем ответить:

– Держится, – при этом её грудь напряглась, сердце, сделав паузу, тут же забилось чаще, и я поняла, что дело плохо. – Гоша сказал, нужно шунтирование, поражение слишком обширное.

Она всхлипнула, и теперь уже я обнимала её и гладила, стараясь успокоить.

– Всё будет хорошо, мам, он справится. Наш папа очень сильный.

Но, когда я увидела его, в груди защемило, глаза защипало от слёз. Конечно, я не расплакалась. Вместо этого попыталась улыбнуться, потому что папа смотрел на меня. Бледный, измождённый, с тёмными провалами вокруг глаз, синеватыми губами, он лежал на кровати и протягивал мне руку, точнее чуть приподнимал над одеялом.

– Папа, – всё-таки всхлипнула и бросилась к нему. Но на край кровати опустилась осторожно, чтобы не навредить. Аккуратно наклонилась и осторожно обняла отца. – Папочка...

Мама уже плакала, стоя в изножье больничной постели.

– Ну-ну, развели мне тут сырость, – нарочито строго сказал папа. Но мы с мамой всё равно продолжали всхлипывать.

Этот человек был совсем не похож на моего отца. Потому что мой папа – самый сильный, самый смелый, он крепко стоит на ногах и помогает устоять другим. Его обожают па-

циенты и медперсонал. И я очень надеюсь, что он скоро снова станет прежним. Потому что слишком больно смотреть на него такого...

– Ну, рассказывай, как там мой внук? – папа не терпел жалости к себе и сейчас делал вид, что всё в порядке, что не происходит ничего выдающегося.

– Он в Карелии, в лагере, – я хлопнула носом и тут же надавала себе мысленных пощёчин. Папе нужна поддержка, а не расклеившаяся дочь. Поэтому продолжила бодрым голосом. Ну... относительно бодрым. – Там у них фэнтезийная смена. Играют в волшебников, рыцарей и драконов.

– А принцессы-то у них там есть?

Мама хлопнула от смеха. А я несколько секунд непонимающе смотрела на папу, прежде чем до меня дошло – он шутит. Господи, ну конечно, драконы и принцессы. Только от этого понимания не стало легче, наоборот, ещё больше захотелось разреветься. Ведь это я прилетела, чтобы его поддерживать. Это я должна разряжать обстановку и шутить.

– Папочка, как же я тебя люблю, – снова обняла его, может быть, чуть крепче, чем разрешал больничный регламент.

– Это я понял, – он погладил меня по голове, принимая поддержку, – но всё-таки – что там насчёт принцесс?

Мы с мамой переглянулись, улыбаясь самыми уголками губ. У Тёмки была одна тайна, которую он доверил только мне.

– Есть одна принцесса, – я вытерла слёзы, – одноклассни-

ца. Она к магии равнодушна, но тоже поехала в этот лагерь. Так что есть надежда на взаимность...

– Молодец внук! – папа довольно улыбнулся. – Женщину нужно выбирать по схожим интересам или вовлекать в них.

Мама подошла с другой стороны постели и взяла его правую руку, в то время как я сжимала левую.

– Мы с тобой, пап.

– Я тоже люблю вас, девочки, – ощутила ответное пожатие, но такое слабое, что становилось страшно.

– Как поживает наш любимый доктор? – в палату вошла медсестра, перед собой она катила небольшой медицинский столик, застеленный белой простынкой.

– Уже пора? – мама побледнела.

– Мария Григорьевна, а ну прекращай разводить панику. Ребёнка пугаешь. Ты же знаешь, что прогнозы очень хорошие, – женщина говорила нарочито громко, как будто голосом могла разогнать напряжение и страх, скопившиеся в палате.

– И правда, Маш, ну чего ты паникуешь раньше времени? Никуда я от тебя не денусь, – но слабый папин голос отнюдь не внушал уверенности.

– Вот правильно Сергей Львович говорит, не надо нервничать. И вообще, нам с ним нужно уединиться.

– Ты уж поосторожней с моим мужем, Кать, – шутливо пригрозила ей мама и потянула меня из палаты. – Пойдём, Саша. Папу нужно подготовить к операции, – на последних

словах голос у неё всё-таки сорвался.

– Маша, всё будет хорошо, я к тебе вернусь. Обещаю.

Мама обернулась и сквозь слёзы послала папе воздушный поцелуй.

Мы разместились на стульях в холле. Я принесла из автомата два стаканчика с кофе, понимая, что мама всю ночь не спала. И сейчас вряд ли сможет.

Домой она ехать отказывалась, уверенная, что, как только покинет территорию больницы, что-то обязательно пойдёт не так.

– Маш, ты чего тут сидишь? Твоя смена давно закончилась, – к нам подошёл смутно знакомый мужчина в белом халате.

– Не могу, Ген, – всхлипнула она, – там Серёжка... – и расплакалась, закрыв лицо ладонями.

– Маша, – он сел на соседний стул и положил руку маме на плечо, заставив поднять голову и проникновенно глядя ей в глаза, – те же знаешь, Гоша – профи, к нему из Краснодара на шунтирование приезжают. Если он сказал, что прогнозы хорошие, так и есть. Он не стал бы тебя понапрасну обнадеживать. Иди домой. Ты еле сидишь, да и дочка твоя устала.

Мама обернулась на меня, словно только что обо мне вспомнила.

– Ой, где мои манеры? – шмыгнула носом и выпрямилась на стуле. – Саша – это Геннадий Викторович, мой начальник.

– Заведующий терапевтическим отделением, – он с наро-

чито серьёзным видом протянул мне ладонь, как будто я была пятилетним ребёнком. Впрочем, увидев доктора Гену, я себя такой и почувствовала.

– А я вас помню... – произнесла растерянно, действительно погружаясь в воспоминания того вечера, когда мы с Логиновым спасали Герду, наевшуюся острых куриных костей.

– Я тебя тоже, – улыбнулся Геннадий Викторович, – как поживает твой дружок?

– Нормально... – лучше бы у него не была такая хорошая память, думать о Ярославе сейчас мне хотелось меньше всего.

Мама взглянула на меня удивлённо, она была не в курсе той давней истории. Не дожидаясь расспросов, я перевела тему.

– С моим папой точно всё будет хорошо?

– Обязательно, ваш папа – счастливчик, ведь у него есть вы, а значит, есть ради кого жить. Он обязательно выкарабкается, – доктор Гена похлопал меня по плечу и ушёл по своим начальственным делам.

– Мам, поехали домой, – решила я взять временное управление семьёй в свои руки, – на тебе лица нет. Надо отдохнуть. А после обеда снова вернёмся.

Мама удивлённо взглянула на меня, но ничего не сказала, только кивнула головой. Она, и правда, очень вымоталась за эти дни.

– Мама! Мамочка! Просыпайся!

Я открыла глаза. Оказывается, уснула в комнате сына.

– Мама, смотри! – это доносилось с улицы.

Я подошла к окну. Всё было белым. На землю, ветви деревьев и беседку падали большие снежные хлопья. Внизу по колено в снегу стоял мой сын и махал мне рукой.

– Мама, смотри, как красиво! Иди сюда!

Я улыбнулась ему, не в силах понять спросонья, почему Тёма здесь, и откуда столько снега в июне. Пока я пыталась собраться с мыслями и начать соображать, в конце двора появился мужской силуэт. Он приближался к моему сыну, подходил всё ближе и ближе.

Лицо мужчины было скрыто капюшоном. Я не могла разобрать, кто это такой, но подспудно ощущала исходившую от него опасность. Опасность для моего ребёнка. Ему было нельзя приближаться к моему малышу.

– Тёма, сзади! – закричала я, приближаясь к стеклу.

Он не слышал.

– Мама, иди сюда! – звал Артём и продолжал счастливо улыбаться открывшемуся ему чуду.

– Тёма, уходи! – я попыталась открыть окно, но пластиковая ручка треснула и сломалась, оставив большую часть в моей руке.

Я бросила обломок на пол и, царапая пальцы об острые края, продолжала попытки открыть створку. Я понимала, что не успею выбежать на улицу до того, как неизвестный мужчина подойдёт к моему ребёнку, поэтому единственной возможностью спасти его мне виделось открытое окно. Я должна была предупредить сына об опасности.

– Тёма, беги! – уже шептала, всё больше понимая, что не успеваю.

Незнакомец был в нескольких шагах. Из моих разрезанных пальцев текла кровь, разбиваясь крупными красными каплями о белый подоконник. Но я не оставляла попытки. Бросила бесполезную уже скользкую от крови ручку и начала стучать кулаками в стекло, пытаясь его разбить. Но руки только скользили, оставляя кровавые разводы на белоснежном фоне выпавшего снега.

– Тёма...

Мужчина подошёл к моему сыну и схватил его за плечо. Артём обернулся, удивлённо глядя на незнакомца. Тот стянул капюшон...

Логинов...

Нет!

Тёма посмотрел на Ярослава и с вопросом в голосе произнёс:

– Папа?

Я вскочила, тяжело дыша. Села на полосатом покрывале.

– Мрр? – вопросительно промурчал Мурик и, не дождав-

шись ответа, снова закрыл глаза.

Это был только сон. Облегчение от осознания, что весь этот ужас мне просто приснился, было невероятно сильным. Но сердце всё продолжало биться в бешеном темпе, а мозг заново переживал события кошмара.

Тёма... Мне нужно услышать его голос...

К тому же я так и не сказала ему, что уехала в Анапу.

Слегка подрагивающими после пережитого потрясения пальцами набрала Тёмкин номер. Он ответил спустя три долгих гудка.

– Ну, мам, – голос был недовольный, – я же просил не звонить...

– Прости, малыш, я очень соскучилась. У тебя всё нормально?

– Да, всё хорошо, – на заднем плане слышались какой-то шум и крики.

– А что происходит? – беспокойство, начавшее было затихать, снова подняло голову.

– На нашу крепость напали тёмные маги... – кто-то звал моего сына по имени и что-то у него требовал. – Мам, мне нужно идти.

– Хорошо, малыш, я только хотела сказать, что уехала к бабушке с дедушкой в Анапу.

– В Анапу? – удивился мой смыслённый мальчик. Но кто-то снова позвал его, и Тёма быстро проговорил в трубку: – Всё, мам, больше не могу. Они сломали ворота.

Связь прервалась. А я сидела и улыбалась, чувствуя, как уходит тьма из души. Мой мальчик, мой малыш, защищает крепость от врагов. Бегает по лесу в доспехе и с деревянным мечом. Настоящий рыцарь.

Сон окончательно отступил. Я погладила кота и вышла из комнаты. В доме стояла тишина. Дверь в спальню родителей была приоткрыта. Я подошла ближе и заглянула внутрь. Мама тоже спала в одежде, уткнувшись лицом в подушку.

Не буду пока её будить, пусть отдохнёт. Судя по часам, до обеда было ещё далеко.

Спустилась на кухню и открыла холодильник в поисках чего-нибудь перекусить. Я ведь ничего не ела со вчерашнего дня.

Что-то пушистое коснулось ноги. Вздрыгнула от неожиданности и посмотрела вниз.

– Мрр, – донеслось до меня знакомое.

– Ты тоже проголодался? – спросила я, беря кота на руки. Ощущение тяжёлого пушистого тельца давало покой и умиротворение. Мурик не прекращал тереться о мои щёки, шею, руки, в общем, куда попадал. – Давай посмотрим, что тут у нас есть.

Я нашла ещё два пакетика кошачьих консервов, немного заветрившегося хлеба, кусочек сыра и помидор. Сделала себе пометку заехать в магазин. Похоже, маме в последние дни было не до пополнения холодильника.

Один пакетик корма пошёл на удовлетворение кошачье-

го голода. А себе я сделала бутерброд и сварила ещё кофе. Вспомнила загруженные работой дни, когда я питалась исключительно так. И вообще, готовила только для Тёмы. Ну сейчас ещё и для Севы. Но чаще мы заказывали доставку на дом, потому что времени на готовку мне катастрофически не хватало.

На запах кофе спустилась сонная растрёпанная мама, удивительно напоминающая меня по утрам. Я протянула ей кружку, и она, благодарно кивнув, опустилась на стул. Взглянула на часы.

– Мам, – позвала я, пока её мысли не устремились в ненужном направлении. Она подняла на меня глаза, в которых уже зрела решимость быстро допить кофе и мчаться в больницу. – Сейчас мы с тобой умоемся, оденемся и поедем за продуктами.

Отказу я тоже не позволила сформироваться, перебила его в самом зародыше:

– Если умрём от голода, папа расстроится. А ему сейчас нельзя волноваться.

Она взглянула на меня непонимающе, и я пояснила:

– В холодильнике совсем пусто. Даже кошачий корм закончился. Папе мы нужны сильные, а от голода слабеют. Поэтому допивай кофе и поехали в магазин.

Из маминых глаз выступили крупные прозрачные слезинки, которые тут же потекли по щекам, оставляя за собой тонкие дорожки. Она хлопнула носом, и я подошла ближе, об-

няла её.

– Мам, всё будет хорошо. Мы с этим справимся. Вместе. Обязательно справимся.

Она кивнула. И мы продолжили пить кофе.

А я снова вспомнила подробности своего сна. Тёма и Логинов. Сын и отец, который о нём не знает в реальности, но прикасается к нему во сне.

Что это было? Просто мои страхи или предупреждение об опасности?

Глава 5

Сначала мы всё-таки заехали в больницу.

Кто бы сомневался!

Операция ещё продолжалась. Улыбчивая молодая медсестра сообщила нам, что всё идёт хорошо, осложнений пока нет, можно не волноваться.

– Пока... Ты представляешь, «пока»! – возмущалась мама, когда я тащила её к выходу из больницы. – Я проработала в этой больнице почти десять лет. Как она может говорить мне «пока»?! Как будто я какая-то пациентка с улицы...

– Мам, перестань, – я решила, что лучше нам пройти пешком, проветриться, а заодно и отвлечь её чем-нибудь. – Ты преувеличиваешь. Человек нашёл время, чтобы пообщаться с нами и успокоить.

Она попыталась что-то возразить, но я перебила, остановившись посреди тротуара и слегка встряхнув её за плечи:

– Мама, всё в порядке! Нам нужно держаться. Ради папы. Хорошо?

Она посмотрела на меня рассеянным взглядом, кажется, только сейчас понимая, что мы уже не в больнице.

– Прости, я совсем расклеилась... – мама будто сникла.

– Всё нормально. О-о! А давай пообедаем? – я весьма кстати увидела вывески двух кафе, расположенных прямо друг напротив друга. Конкуренция – это хорошо, значит,

кормят вкусно в обоих. – Что ты хочешь: итальянскую кухню или японскую?

– Мне всё равно, ничего не хочу, – со вздохом призналась мама.

– Э-э, нет, так не пойдёт! Мы должны быть сильными, помнишь? Ради папы!

Кажется, меня скоро затошнит от моего бодрого голоса, но сбавить темп я уже не могла. Хотела вытащить маму из пучины паники, в которую она быстро погружалась, стоило лишь на секунду ослабить натиск.

Она кивнула. Уже хорошо.

– Ну раз тебе всё равно, давай поедим роллов. Давненько я не пробовала «Филадельфию». Интересно, какая она тут? – я не замолкала ни на мгновение, а ещё улыбалась, как будто выиграла несколько миллионов в лотерею. Надеюсь, завтра я смогу сомкнуть губы, а не останусь вечно улыбающимся Гуинпленом.

Но мама начала возвращаться в реальность, и я решила не сбавлять оборотов. Она окинула сомневающимся взглядом вывеску, но потом пожала плечами:

– Роллы, так роллы.

Мы поднялись по ступенькам и открыли стеклянную дверь.

Ярослав открыл ворота и закатил клетку со всё ещё спящей Гердой во двор. Трава была скошена, сорняки выполоты, на клумбах атели крупные шапки цветов. За домом ухаживали, это хорошо. Значит, не придётся чихать от пыли, как он боялся.

В Анапе Логинов не был уже несколько месяцев. В последний раз он приезжал сюда осенью, когда писал роман и не хотел, чтобы ему мешали. Насколько он знал, зимой здесь никто не жил.

Мама с Миленой тоже давно перебрались в Москву. Татьяна Викторовну старый знакомый несколько лет назад продвинул на повышение, и теперь она занимала хорошую должность в Кремле. А у сестрёнки сейчас всю расцвёл подростковый период, рядом были московские подружки и друзья, приближённые к элите, и назад она не оглядывалась.

Ярослав окинул дом взглядом и вздохнул – здесь прошло его детство. Он любил этот дом. А может, просто с возрастом становился сентиментальным. Или ещё вариант – это встреча с Барановской так его встряхнула, что он ударился в ностальгию. Логинов хмыкнул, только Сашка что-то не была особо рада его увидеть. Хотя это и не удивительно, учитывая, как они расстались в прошлый раз. Да и в этот раз вышло не очень. Логинов усмехнулся, вспоминая, как она его отшила.

Он закрыл ворота, подкатил клетку к самому крыльцу и оставил дверь открытой, чтобы Герда, когда проснётся, могла зайти в дом. Ярослав был уверен, что его верная подруга тоже обрадуется возвращению.

Внутри было пусто и тихо. Пахло нежилым, хотя чистота и порядок радовали глаз. Всё-таки дому нужен человек. Постоянно живущий, а не приходящий пару раз в неделю, чтобы сделать уборку.

Пока Ярослав разбирал вещи, Герда проснулась. Подошла тихонько сзади, ткнувшись ему в ногу мокрым носом. Он специально выбрал одну из гостевых комнат на первом этаже, в последние месяцы старушке стало тяжело подниматься по ступенькам.

Пока ещё не стало слишком жарко, они отправились к морю. Герде стоило размяться после столь долгого сна, а Ярослав хотел искупаться. В Москве ему этого очень не хватало – моря, солнца, криков чаек и необъятного простора, устремлявшегося за горизонт.

Перекусить он решил на обратном пути. Недалеко от центральной площади находилось его любимое кафе, там хорошо кормили и не возражали против присутствия Герды под столом. Иногда Ярослав там писал, если не хотелось сидеть дома.

Он выбрал столик у большого панорамного окна, сквозь которое просматривалась вся улица и расположенное напротив кафе японской кухни. Логинов не был фанатом суши,

поэтому предпочитал старую добрую Италию. Он заказал лазанью и пиццу с салями, от которой наверняка не откажется Герда. Ещё чуть подумав, добавил к заказу суп. Всё-таки он сильно проголодался.

Ярослав смотрел в окно и думал о том, какой предлог найти для встречи с Сашей. Как подойти к ней, чтобы встреча одновременно выглядела случайной, и при этом у Барановской не было причины послать его сразу куда подальше.

Когда он заметил их, то даже не сразу узнал Сашку...

По улице шли две женщины, так похожие друг на друга, что не угадать родства было просто невозможно. Та, что моложе, была одета в короткий тёмно-синий сарафан с бордовыми тюльпанами. На той, что старше, он разглядел терракотовые бриджи и белую футболку.

Они настолько не сочетались по стилю, что Логинов тут же понял – они не живут вместе, скорее, приезжают друг к другу в гости иногда. Его писательский ум уже начал сочинять историю, где мать и дочь разлучены жестоким мужем дочери и видятся очень редко, да и то тайком.

И лишь спустя какое-то время до него дошло – это она. Барановская, о которой он только что думал. И та самая совершенно случайная встреча.

Подошедшая официантка принесла министроне. Ярослав взял в руку ложку, не отрывая взгляда от Сашки и её матери.

Они стояли возле суши-кафе и явно размышляли – зайти или нет. Саша выглядела такой счастливой, какой он её

помнил десять лет назад. Когда на них обоих ещё не вырос этот панцирь цинизма и недоверия ко всему окружающему. По крайней мере, его, Ярослава, панцирь был точно с кулак толщиной.

А Сашка... она сейчас была такая... такая прежняя. Она была абсолютно той самой девушкой, которую он любил когда-то.

И на самом деле так и не переставал любить.

Совершенно не думая, что собирается сделать, Логинов вскочил с места и рванул к выходу. Он перебежал узкую улочку, заставленную припаркованными с обеих сторон машинами, и бросился в кафе. К этому моменту Саша и её мама уже скрылись внутри.

Ярослав распахнул дверь и огляделся. Барановская сидела за дальним столиком, изучая меню. Её матери не было видно. Как зачарованный, Логинов подошёл и сел напротив.

Саша подняла глаза. Удивление быстро сменилось недовольством. Затем вновь вернулось удивление. Она подняла бровь и произнесла насмешливо:

– О-о, ты уже с ложкой, а мы ещё не заказывали.

Логинов опустил взгляд, в правой руке он действительно держал ложку. Забыл оставить в кафе, когда выбегал.

– Саша... – произнёс он, ещё не зная, что скажет дальше. Для него само её имя уже звучало музыкой.

Они смотрели друг другу в глаза и молчали. Между ними мелькало прошлое. Долгие годы разлуки кружились, рассу-

паясь солнечными зайчиками по стенам. Могло ли всё быть иначе? А что если бы...? Никто из них не задавал вопросов, но оба об этом думали. Если и не сейчас, то долгими одиночными ночами, когда лежали без сна, глядя на одну и ту же круглую жёлтую луну за окном.

– Добрый день, Ярослав, – она подошла незаметно.

– Здравствуйте, Мария Григорьевна, – Логинов поднял голову, понимая, что занял её место, что ему сейчас придётся уйти, а он так ничего и не успел сказать.

Эх, почему Сашка не умеет читать мысли? Насколько тогда всё было бы проще.

– Я уже ухожу, извините, что помешал, – внутри закипала злость за своё бессилие, свою слабость, невозможность ничего изменить.

Дверь в кафе снова открылась. По чёрно-белой плитке пола зацокали давно не стриженные когти.

– Откуда здесь собака? Уберите собаку! – раздались испуганные голоса.

Ярослав обернулся. Его Герда летела прямо к столику, из-за которого он так и не успел подняться.

Чёрт, он уже второй раз забыл о своей собаке!

Она бежала к нему, но вдруг изменила движение и бросилась к Сашке, поставила передние лапы ей на колени, начав лизать щеки, нос губы, куда попадала.

– Герда, привет, – засмеялась Барановская.

Ярослав всё-таки поднялся из-за стола, чтобы уступить

наконец место Марии Григорьевне и чтобы увести Герду на улицу. К ним уже спешили сотрудники кафе.

– Она тоже скучала по тебе, – произнёс он тихо, так, чтобы слышала только Сашка, и взял собаку за ошейник.

Больше не обращая внимания на крики официантов и администратора, Логинов вывел Герду на улицу.

Похоже, он только что упустил свой шанс. Ведь была и случайная встреча, и причина, по которой Сашка могла его не прогнать. Но теперь уже вмешались обстоятельства. Кажется, судьба не хочет давать ему второй шанс.

Только вот Логинов упрямый. И мнение судьбы его не волнует. Не сейчас так позже, но эту крепость он возьмёт. Ярослав был почти уверен, что у Сашки тоже остались к нему чувства. Её просто нужно немного подтолкнуть, а для этого им всего-то и надо ненадолго остаться наедине. Тогда он всё увидит и поймёт, есть ли у него шанс.

А сейчас придётся доесть свой уже наверняка остывший суп.

– Ярослав... – раздалось сзади неуверенное. – Подожди...

И Логинов замер, как будто вмиг превратился в недвижимую статую. Ему не послышалось? Это ведь не мираж? Неужели судьба передумала и решила исполнить его заветное желание?

Ярослав поворачивался так медленно, словно боялся спугнуть редкую птичку. Как та, что они когда-то видели на экскурсии в заповеднике. Сашка тогда снимала её в разных

ракурсах, а Ярослав написал об этой неожиданной встрече. И их статья заняла первое место в конкурсе. Всё-таки кое-что у них двоих получилось отлично.

К тому времени, как он повернулся к Сашке, Герда уже успела подбежать к ней, радостно виляя хвостом. Барановская присела на корточки и гладила её серебристую шерстку, сейчас сдобренную большой порцией седины.

– Извини за весь этот шум, – она кивнула на кафе.

– Сам виноват, надо было смотреть за ней, – он развёл руками, а получилось, что взмахнул ложкой.

Сашка улыбнулась, глядя на это. И Ярослав понял, что он и правда счастливчик. И судьба на его стороне, она точно даёт ему второй шанс. И на этот раз он его не профукает.

Надо только придумать, как остаться с Сашкой наедине.

– Была рада тебя видеть, Герда, – Барановская ещё раз почесала собаку между ушами и поднялась.

Сейчас она выглядела смущённой, словно тоже поддалась порыву и теперь не знала, что делать.

– Ну ладно, я пошла... – произнесла Саша неуверенно.

– Может, сходим куда-нибудь? – Логинов решил хватать быка за рога.

Её глаза на мгновение расширились и загорелись тем самым, памятным ему, светом. Но она тут же опустила ресницы и медленно покачала головой.

– Извини, не могу, у меня много дел.

Саша развернулась и пошла обратно в кафе. А Ярослав с

Гердой стояли на прежнем месте и смотрели ей вслед.

– Ты видела, она почти согласилась? Оставалось совсем чуть-чуть.

Герда с сомнением чихнула, она была на редкость умной собакой. Кто ж знает этих женщин, что у них в голове...

В кармане Ярослава завибрировал телефон. Он посмотрел на экран и скривился. Вот только её сейчас не хватало. Сбросил звонок и поставил на беззвучный режим. С женой он больше говорить не желает, они всё сказали друг другу ещё там, в Москве. В их стильной квартире внутри Садового кольца, купленной на его гонорар. Теперь с ней будет разговаривать адвокат, Ярослав позвонит ему сегодня же.

Они с Гердой вернулись в кафе, из которого уже выглядывала официантка, взволнованная неоплаченным заказом и отсутствующим клиентом.

Суп и лазанью пришлось заново разогревать, но Ярославу было всё равно. Он почти не чувствовал вкуса того, что ел, ведь Сашка почти согласилась.

По крайней мере, ему хотелось в это верить...

* * *

– Ты всё ещё любишь его? – это был даже не вопрос, скорее, утверждение.

Что?

С чего она это вообще взяла? Но под пристальным ма-

миным взглядом я смутилась и опустила глаза, принявшись внимательно рассматривать простой стеклянный соусник.

Ну как я могу ответить, если даже думать себе об этом запрещала на протяжении последних десяти лет. И когда его не было рядом, не думать было намного проще. Здесь же Логинов, словно нарочно, постоянно попадался мне на глаза. Ещё и суток не прошло, как я в Анапе, а он уже дважды перешёл мне дорогу.

И этот дурацкий сон...

Тёма уже давно всё понимает и замечает. Он прекратил расспросы о папе, потому что видел, что мне это неприятно. С Севой они соблюдают нейтралитет, но я не рассчитываю, что когда-нибудь сумеют достаточно сблизиться. Они слишком разные. К тому же Сева говорит, что не слишком разбирается в детях, чтобы чему-то научить.

А мальчишке нужен авторитетный мужской пример. Имею ли я право лелеять свои обиды в ущерб собственному ребёнку? Или это шанс рассказать Логинову о сыне? И наконец их познакомить?

В общем, я совершенно запуталась...

– Конечно, нет, мам, – молчание слишком затягивалось, пришлось отвечать. Постаралась добавить уверенности в голос, чтобы не звучало слишком жалко.

Я отпила принесённого сока, показывая, что не хочу продолжать диалог. Не хочу спорить с ней.

О какой любви может идти речь, если десять лет назад по

моей душе пронёсся лесной пожар, оставив после себя лишь обугленные пеньки и запах гари, до сих пор горчивший на языке?

– Мне кажется, он тоже к тебе равнодушен. Не хочешь дать парню ещё один шанс?

Я подавилась, сок пошёл носом. Пока я откашливалась, проклиная свою идею прогуляться и зайти в это кафе, мама спокойно сидела и наблюдала за мной.

– Со стороны виднее, милая. А уж матери и подавно, – заявила она невозмутимо, пока я вытирала слёзы и пыталась восстановить дыхание. – К тому же он отец твоего ребёнка...

– Мам...

К счастью, подошедшая официантка лишила меня необходимости отвечать. Девушка расставила деревянные доски с роллами, положила рядом приборы и тёплые салфетки, налила соевый соус в маленькие мисочки и пожелала нам приятного аппетита.

Всё это время мы молчали. А я подыскивала безопасную тему, которая не вгонит маму снова в пучину отчаяния и при этом не заставит меня давиться соком. Но она словно прочитала мои мысли:

– Саш, ты взрослая женщина, решать будешь сама. Я не стану вмешиваться в твою жизнь, хотя и хочу, чтобы ты была счастлива. А твой Стёпа...

– Сева! – мама прекрасно знала, как зовут моего бойфренда, но почему-то постоянно забывала его имя.

– Он не тот, кто нужен вам с Тёмой...

– А Логинов, значит, тот?! – сорвавшись, я повысила голос, и люди начали на нас оборачиваться, поэтому продолжила уже тише: – Ты уже забыла, как он обошёлся со мной десять лет назад? Он предал меня.

– Саша... – но я не позволила.

– К тому же он женат. Я не буду рассматривать даже возможность подобных отношений.

– Твой отец тоже был женат, когда мы начали встречаться... – вдруг заявила она, и я ошалело уставилась на неё. – Он скрыл это от меня. К тому времени, как я забеременела, и мы решили расписаться, он уже развёлся. И я бы об этом могла никогда не узнать, но однажды эта мымра припёрлась в больницу, заявила, что она его жена и хочет его видеть... Серёжи не было на смене, и дежурная сестра позвала меня. Представляешь моё лицо, когда мне заявили, что там пришла жена Барановского? – она горько усмехнулась. – Я тогда была молодая, горячая. Вышла к ней, намереваясь выцарапать глаза и выдрать волосы. А там стоит какое-то чучело. Она к тому времени уже вовсю пила и выглядела соответствующе. И пришла-то просить денег... Но, увидев меня, начала хорохориться, заявила, что Сергей продолжает с ней видеться, что у них любовь, а мы с тобой так, ради галочки... Дома он клялся, что всё давно в прошлом, что после развода в глаза её не видел. Но что-то во мне тогда надломилось. Ведь скрывал, молчал. Я поняла, что не могу ему больше ве-

ритель, и подала на развод...

Мама замолчала, а я смотрела на неё во все глаза. Неужели мне только что поведали главную тайну и боль моего детства – почему отец от нас ушёл. Только оказалось, что он не ушёл, это мама выгнала его.

– Ты была права, когда говорила, что я не пойму. Тогда бы я и не сумела понять... – только сейчас, сама пройдя через предательство любимого мужчины, понимала мамин страх.

– А сейчас я об этом жалею, – она вдруг улыбнулась так снисходительно, словно знала теперь что-то ещё недоступное мне. – Действовала на эмоциях, наломала дров, лишила тебя отца... А главное, потеряла столько лет! Если он сейчас умрёт...

– Мам, мам, никто не умрёт! – я сильно сжала её руку. – Давай уже попробуем роллы. Смотри, вот это очень вкусно.

Я распаковала палочки и начала перекладывать ей на тарелку аппетитные кусочки. И сама сделала вид, что очень увлечена дегустацией. Не хочу больше говорить ни об отце, ни о Логинове. Слишком много информации, слишком много эмоций. Мне нужно всё это обдумать, чтобы не лопнула голова.

И всё равно, пока мы обедали, я то и дело посматривала на дверь, словно бы ожидая, что вот в неё вбежит Герда, а следом за нею войдёт и её хозяин...

Почему же всё так запутано?

Глава 6

Пока мы покупали продукты, маме позвонили из больницы. Операция прошла успешно, папу перевели в палату интенсивной терапии, пока он спит, но ближе к вечеру можно будет его навестить.

Мама засияла, как будто внутри неё зажглась новогодняя гирлянда с большими разноцветными фонариками. Я даже позавидовала ей – так любить мужчину. И тут же вспомнила её рассказ о папиной лжи. Почему с этими мужчинами всегда всё сложно?

Мы приготовили обед и заодно ужин, убрали дом, постирали гардины в гостиной. В общем, тянули время до вечера, как могли.

Наконец мама решила, что пора ехать в больницу.

– Он ещё спит после операции, – пыталась возразить я.

Но маму было не остановить:

– Нет, он проснулся, я это чувствую.

И мы вызвали такси.

Папа ещё спал. Буквально за несколько минут до нашего прихода его отключили от аппарата искусственного дыхания. Он дышал ровно и глубоко. Грудь мерно вздымалась. И, как мама ни прислушивалась, никаких хрипов и других посторонних звуков не обнаружила. Сбоев сердечного ритма она тоже не заметила. И пульс был в норме.

Георгий Иванович, он же доктор Гоша, который проводил операцию, стоял рядом и скептически смотрел на нас с мамой. Но на маму больше. Я же пыталась посылать ему извиняющиеся взгляды.

– Маш, ты же врач, а ведёшь себя как пятиклассница на уроке биологии. Всю динамику я отслеживаю по приборам, а когда проснётся, проведу полный осмотр. Ну, Маш...

– Гоша! – мама резко обернулась и без всякого смущения посмотрела ему прямо в глаза. – Вот когда на этом месте будет лежать твоя жена, я посмотрю, как ты будешь полагаться на нашу электронику.

Георгий Иванович тяжело вздохнул, но спорить больше не стал. Махнул рукой и молча вышел из палаты.

– Зачем ты с ним так? – не выдержала я. Мне было неловко за маму.

– Пусть лучше они будут смотреть на меня косо, чем я пропущу что-то, а потом буду корить себя, проживая остаток жизни в одиночестве.

И я отстала. Даже не стала уговаривать её поехать домой. Если хочет ночевать в кресле возле папиной постели, пусть ночует. А мне нужно передохнуть. Я чувствовала, как вымоталась за этот бесконечный и эмоционально насыщенный день.

Набрала себе ванну. Чтобы не мешало, сняла подаренное Севой кольцо и положила его на раковину. Нашла у мамы соль с лавандовым ароматом, добавила шампуня вместо пе-

ны. Открыла бутылку красного вина, купленную сегодня в гипермаркете. Налила в бокал, поставила его на бортик ванны и со вздохом удовольствия погрузилась в горячую воду, покрытую шапкой белой пены.

Как же хорошо!

Я лежала, прикрыв глаза, время от времени пригубливая из бокала. И, по мере того как я расслаблялась, жизнь снова становилась простой и понятной.

Из полудрёмы меня вырвал звонок мобильного. Надо же, а я и не заметила, как уснула. Выбралась из ванны и, оставляя мокрые разводы, голышом пошлёпала в свою комнату.

Телефон лежал на кровати и мигал экраном с пропущенным вызовом.

Сева! Совсем забыла ему позвонить...

Мне понадобилась почти минута и мысленная репетиция будущего разговора, чтобы набрать его номер.

– Привет, Сев! – мне было неловко, что совсем забыла о нём, и я боялась, что он это услышит.

Бойфренд меня не разочаровал. Едва подняв трубку, тут же начал отчитывать:

– Саша, я же просил позвонить, как только приземлишься. Уже вечер, а от тебя ни слуху ни духу.

Голос у него был капризный и недовольный. Такой бывал у Тёмки года в три, когда он не получал того, что ему хотелось.

– Сев, прости, я совсем забегалась и забыла, – начала

оправдываться, уже зная, что этим только раззадорю его.

– Я так и знал, уехала и тут же забыла. С глаз долой – из сердца вон, как говорится, – вот с Севой так всегда, взрослый человек мог за минуту превратиться в капризного ребёнка.

Дальше уже ему возражать не стоило. Я молча выслушала то, что у него накопилось за долгую ночь и день без меня. Вести монолог долго Сева не умел, вскоре выдохся.

– Как твой папа? – сделал он шаг в мою сторону.

– Сегодня прооперировали. Врач говорит, что всё будет хорошо.

– А когда ты вернёшься? Ты помнишь, что у нас ещё не готовы визы? – Сева быстро вернулся на свои рельсы.

Мне хотелось повесить трубку, но я понимала, что не сделаю этого. Всё-таки должен быть здесь хоть один взрослый человек. Да и он это запомнит и будет припоминать мне при каждом удобном случае. Поэтому я снова принялась пережидать, когда словесный поток иссякнет.

Я не слышала никаких посторонних звуков. Только спиной почувствовала взгляд. Обернулась медленно, продолжая держать телефон у уха.

Логинов стоял в проёме двери, застывший соляным столбом, как жена Лота, увидевшая нечто запретное, то, на что нельзя было смотреть. В трубке что-то бубнил Сева, но я его не слышала, не в силах оторвать глаз от Ярослава.

Господи, запрети мужчинам так смотреть на женщин! Вся поза Логинова говорила о сильнейшем напряжении. Его

ноздри расширились. Взгляд, которым он окинул меня с головы до ног и обратно, потемнел.

Я сглотнула, внезапно лишившись голоса. Только и могла смотреть в ответ, да ещё думать – Логинову нравится то, что он видит. Об этом явно говорило выражение его лица.

И тут до меня дошло...

– Я тебе перезвоню, – пискнула в трубку каким-то полужадушенным голосом и бросила телефон на постель.

Сорвала с кровати покрывало, даже не заметив, как мобильник со стуком упал на пол. Закуталась, с каким-то непонятным удовлетворением отмечая, что с лица Логинова сошло выражение удовольствия. И его сменило разочарование.

Значит, тебе нравится, как я выгляжу голой, господин Логинов? Это очень хорошо. Мною овладело какое-то бесшабашное веселье. Хотелось петь и кружиться по комнате, пританцовывая.

Но вместо этого я тоже застыла, глядя на него, чувствуя, как пунцовеют щёки, как сердце, словно на американских горках, то ухаает вниз, то начинает биться где-то в районе горла.

Логинов сделал первый шаг навстречу, и я, испугавшись, тоже отмерла. И наконец спросила внезапно осипшим голосом:

– Что ты здесь делаешь?

Логинов моргнул и словно очнулся. Шагнул назад. Помотал головой, будто пытался стряхнуть с себя наваждение.

– Ты прости, что вломился без предупреждения, я звонил, но никто не открывал, а дверь была не заперта...

– А калитка? – если входную дверь я ещё могла забыть запереть, находясь в эмоциональном раздрае, то замок на калитке защёлкивался автоматически.

– Я перелез через забор, – признался Логинов, неожиданно смущаясь. И вообще, теперь он выглядел немного дезориентированным, словно и сам не понимал, как здесь очутился.

– И сразу пошёл в мою спальню? – приподняла бровь.

Странно, но я не чувствовала злости или раздражения. Напротив, ощущая некоторую власть над ситуацией, наслаждалась этим, понимая, что сейчас всё зависит от меня. От моего решения. И если я скажу Логинову убираться прочь, он опустит плечи и уйдёт.

Правда, мне совсем не хотелось, чтобы он уходил. А чего мне хотелось? На этот вопрос у меня не было ответа... Ладно, ответ был. Вот только я пока не была готова признаться в этом даже самой себе.

– Ну... – Логинов пожал плечами. Мне казалось, он начинает сожалеть о своём порыве и даже думает о том, чтобы уйти. А вот этого мне точно не хотелось.

– И зачем ты пришёл? – сбавила я обороты.

– Мы с Гердой хотели позвать тебя погулять с нами...

– А где Герда? – я улыбнулась.

– Ждёт на улице, ей уже тяжело лазить через заборы, – Логинов тоже улыбнулся. И я вдруг вспомнила, как любила

эту его улыбку, как мне нравилось её целовать в самый уголок губ... – Там супер-Луна, я подумал, ты захочешь её сфотографировать.

От такого предложения я не могла отказаться. Да и не хотела отказываться, если честно. Меня тянуло к Логинову, и я не могла противиться этой тяге. Да и что такого в невинной прогулке под луной? С нами ведь будет Герда, то есть мы с Ярославом даже не останемся наедине.

Я отбросила все сомнения, отключила звук внутреннему голосу, который пытался нашёптывать, что однажды уже обожглась, вот так гуляя с Логиновым по берегу моря. Просто знала, что сейчас это именно то, что мне нужно. А потом... Потом будет то, что будет. Я подумаю об этом завтра, как говорила мудрая Скарлетт О'Хара.

– Дай мне пару минут, чтобы одеться.

Логинов ещё смотрел на меня несколько секунд с тем же ожиданием во взгляде, а затем до него дошло, что я согласна. И, кажется, в тот миг в его глазах вошла та же супер-Луна, что ждала нас над морем.

– Подожди внизу, – велела я, и едва Ярослав вышел, сбросила покрывало и открыла шкаф.

Передо мной стоял сакральный женский вопрос – что же надеть?

Мне нужно было что-то привлекательное для мужского взгляда, при этом не слишком вызывающее. И чтобы Логинов не подумал, что я на всё согласна, потому что пока и са-

ма не знаю, согласна ли и на что именно. Но, определённо, мне хотелось ему нравиться. Чтобы он посмотрел на меня тем же взглядом, который я увидела, обернувшись несколько минут назад.

Ох, какие чувства пробуждал во мне этот взгляд...

Так, я опять отвлеклась. Мне нужно выбрать одежду, а не рассуждать о взглядах и чувствах. В конце концов, Логинов женат, а я не собиралась заводить короткую интрижку.

Эта мысль охладила меня достаточно, чтобы лишний пыл поулегся. Я надела джинсовые шорты до середины бедра и белую футболку, на ноги – удобные кроссовки, чтобы ходить по камням. Всё-таки я иду луну снимать. Это ни в коем случае не свидание.

Не свидание!

Это просто прогулка со старым знакомым. А все остальные мысли и глупые надежды нужно выбросить из головы.

Логинов ждал в прихожей. Он снова окинул меня взглядом, словно тёплая волна омыла в солнечный день. В его глазах больше не было грозовой тьмы, но там по-прежнему сквозило обещание чего-то большего, чем просто прогулка.

На миг я испугалась и даже подумала отказаться, но это было лишь краткое мгновение слабости. Уже в следующую секунду я крепче сжала ремень футляра, в котором лежала камера, и двинулась к двери.

Ярослав пропустил меня вперёд. И даже приотстал на пару шагов, пока мы шли к калитке. Я улыбнулась, но оборачи-

ваться не стала, и так знала, куда он смотрит. И это мне нравилось. Очень нравилось, как бы я ни пыталась это отрицать.

Как только вышли из калитки, ко мне подбежала Герда, усиленно виляя хвостом. Затем она ткнулась мордой в подставленную ладонь Ярослава и потрусила вперёд, обнюхивая обочину.

Мы с Логиновым шли следом. На улице горели два фонаря, один далеко впереди, а второй остался сзади. И этот полумрак создавал какую-то волшебную атмосферу тёплой летней ночи.

Мы молчали, но это молчание не было натянутым. Напротив. Мне уже давно так легко не дышалось. Я почти уверенно шагала вперёд, в неизвестность.

А впереди, над тёмной громадой моря, нас ждала большая круглая жёлтая луна.

Первый кадр я сделала сверху. Луна, больше похожая на огромный прожектор, покрывала поверхность воды серебристой вязью, создавая целый светящийся остров. С новым фильтром это должно было выглядеть потрясающе. Я уже знала, какой журнал мне неплохо заплатит за снимки.

Затем чуть отошла и поймала тёмные силуэты Ярослава и Герды. Человек и собака на краю сверкающей тьмой бездны.

А потом я уже не считала, только щёлкала затвором камеры.

Логинов словно понимал, что мне это нужно. Не подходил, не мешал, ничего не спрашивал. Они с Гердой спусти-

лись вниз и бродили по берегу, позволяя мне то и дело ловить в объектив их фигуры.

Какое-то время спустя, заполнив больше половины карты памяти, я присоединилась к ним. Сейчас я испытывала к Ярославу острое чувство благодарности. За то, что вытащил меня из дома, давая возможность сделать отличные кадры. За то, что не отвлекал от процесса, который я действительно любила, почти растворяясь в нём. За то, что сидел и ждал меня на берегу, не торопя и не проявляя активных действий.

И вообще, за эту чудную ночь, за мои оживающие чувства и за то, что мне снова хотелось летать.

Я подошла вплотную к нему. Сидевший на камне Логинов оказался чуть ниже меня, и ему пришлось поднять голову. Черты его лица были размыты мерцающим лунным светом, и я могла угадать только блестящие во мраке глаза. Но мне чудился вопрос, застывший в его взгляде. Вопрос, на который, кажется, у меня наконец появился ответ.

И чтобы не дать себе возможности передумать, я наклонилась и коснулась его губ.

Логинов застыл лишь на долю мгновения. Наверное, он тоже не до конца верил, что всё это происходит на самом деле. Что это реальность, а не сон, навеянный лунными бликами.

Но я не успела засомневаться в правильности собственных действий, потому что он ответил. Его губы, мягкие и нежные, обхватили мои. Сначала осторожно, пробуя на вкус,

словно ещё не полностью доверяя собственным ощущениям. Затем всё смелее и настойчивее, заставляя меня забыть себя и раствориться в этом поцелуе.

Одновременно с губами пришли в движение и его руки. Одна обхватила мой затылок, фиксируя голову, как будто Логинов был не до конца уверен, что я не передумаю и не постараюсь сбежать. Вторая рука гладила мои плечи, спину, спускаясь до талии и вновь поднимаясь обратно, пока не решаясь на большее, но балансируя на самой грани, как будто ожидая моего одобрения.

Коротко взлаяла Герда, наткнувшись на ночную птицу или слишком смелого краба. И это привело меня в чувство.

Пока достаточно.

Я отстранилась. Логинов на секунду сжал руки, удерживая меня, но потом всё же отпустил. Нехотя. С сожалением. Мне почудился глубокий вздох, но почти заглушаемый шелестом набегающих на камни волн. Поэтому я не была уверена, что мне не показалось.

– Прости, – без тени раскаяния произнёс он, – но рядом с тобой я теряю голову.

Я улыбнулась. Довольно. Даже торжествующе. К счастью, в серебристом сумраке это не было заметно.

Я тоже теряла голову рядом с ним, но Логинову совершенно необязательно было об этом знать.

– Нет, это я не должна была... – умолкла, про себя перечисляя, что именно не должна была: позволять смотреть на

меня голую и наслаждаться его взглядом? идти с ним сюда? целовать его?

Всё это вместе и ещё много чего.

Пожалуй, нужно прямо сейчас расставить все точки над «i». Не стоит позволять чувствам взять верх. Это просто романтика Анапы, моря, первой любви. Ностальгия. Вот меня и повело.

Но это ведь ненадолго. Я всё равно уеду. Мы уже давно не дети и живём в реальном мире, где у него есть жена, а у меня – Сева. А ещё впереди – Париж, и это шанс, который я не могу упустить...

Причин не быть здесь и сейчас с ним я нашла множество. И всё же...

Глубоко вдохнула и взяла себя в руки. Я взрослая женщина, а не капризный ребёнок, который хочет сладкого, не понимая, что у него аллергия на шоколад.

Я не должна, а значит, сумею справиться с нахлынувшими на меня эмоциями. Я смогу...

– Между нами ничего не может быть... – говорила медленно, подбирая каждое слово. – Ты женат, у тебя семья, дочь, у меня тоже... семья и... обязательства... Это всё неправильно.

– Я понимаю, – он перебил меня самым нелепым способом – приставил указательный палец к моим губам. – Я сглупил и всё испортил, поэтому наша история закончилась десять лет назад. Если бы я не был таким идиотом, ты не сбе-

жала б от меня, и сейчас всё могло быть по-другому.

Я попыталась отстраниться, чтобы возразить, но он не позволил, удержал и продолжил говорить:

– Я приехал сюда, потому что уйду от жены. Сегодня я говорил с адвокатом и начал бракоразводный процесс. Это не будет слишком быстрым и может продлиться несколько месяцев, но скоро я буду свободен. Если ты считаешь это проблемой, из-за которой мы не можем попробовать ещё раз, то она вскоре решится.

В пальце больше не было необходимости. На какое-то время я онемела от удивления: он разводится? Это правда? Он скоро будет свободен...

А я?

Логинов словно читал мои мысли:

– А ты? Ты замужешь? – я автоматически посмотрела на палец – кольца не было, и тогда покачала головой. – Насколько у тебя это серьёзно?

Насколько у меня это серьёзно?

Хороший вопрос. Вот ещё утром я думала, что вполне серьёзно, что уеду в Париж, и Сева вместе со мной.

А вот сейчас... я уже ни в чём не была уверена. Присутствие Ярослава лишало меня возможности мыслить здраво, толкало на всякие глупости. И что самое ужасное, я получала от этого удовольствие.

– Не отвечай, – он приблизил своё лицо совсем близко к моему, убрал палец от губ и шепнул, опаяя своим дыхани-

ем, заставляя сонмы мурашек бежать по моей коже, – подумай, взвесь всё и реши. Я буду ждать. Сколько потребуется.

А дальше он снова применил запрещённый приём – поцеловал меня. И я ответила, потому что сейчас это было самым естественным и единственно правильным на свете.

Глава 7

Проводив меня до калитки, Логинов на пару секунд загнулся, прежде чем попрощаться и пожелать спокойной ночи. Видимо, надеялся, что позову выпить кофе или придумаю другой предлог, чтобы пригласить его зайти.

Но я не была готова к столь бурному развитию отношений. Мне нужно было подумать и всё взвесить. Но почему-то события столь быстро развивались, что у меня просто не хватало на это времени.

А я должна была решить наконец, стоит ли вообще затевать этот самый второй шанс. Ведь моя жизнь была такой спокойной и устоявшейся до встречи с ним. Так нужны ли мне потрясения, которые наверняка несёт с собой роман с Ярославом?

Нужны.

Внутренний голос даже не сомневался с ответом.

Спать я легла с идиотской улыбкой на лице. Думала, что проворочаюсь до самого утра. Но уснула, лишь только голова коснулась подушки. А утром вскочила отдохнувшая и в отличном настроении.

Я сварила кофе, покормила кота, выпустила его на улицу и сама вышла следом.

Погода стояла отличная. Солнце ярко светило. На лазурно-голубом небе не было ни облачка. Ветер дул с моря. Я

глубоко вдохнула чуть пахнувший водорослями воздух и решила, что день сегодня будет замечательный.

И тут же, словно ответом на мои мысли, пришла эсэмэс от Ярослава:

«С добрым утром. Как спалось?»

«Отлично :-))», – я не удержалась и прибавила улыбающийся смайлик, отражавший моё настроение. – «А тебе?»

«Мне тоже, хотя чего-то, а может, кого-то не хватало рядом...»

От этого намёка по коже пробежала волна жара. Мысли наполнились мелькающими картинками со сплетёнными телами, прижимающимися другу к другу так тесно, что казалось, они стали одним целым.

Отвечать я не стала.

Вместо этого набрала маму, чтобы переключиться и не думать о Логинове и его постели, в которой мне вдруг сильно захотелось оказаться.

– Доброе утро, дочка, – мамин голос тоже звенел радостью.

И я сразу догадалась:

– Папа проснулся?

– Да, завтракает и спрашивает, когда ты приедешь.

– Через полчаса, только кофе допью, – я отключилась и погладила подошедшего Мурика, потом подхватила его на руки и закружилась по лужайке: – Наш папа проснулся. Ура!

В больнице пахло хлоркой и лекарствами. Запах тяжёлый

и многими нелюбимый. Но сегодня даже он не казался мне чем-то тревожным, настолько я была наполнена уверенностью, что теперь всё будет хорошо.

Папа лежал и был по-прежнему бледен и слаб.

Доктор Гоша сказал, что ему ещё предстоит длительная реабилитация, многие вещи придётся осваивать заново, но прогнозы хорошие, а значит, велики шансы, что отец полностью восстановится и даже сможет вернуться к работе. Об этом папа беспокоился больше всего.

Вставать и даже сидеть ему пока не разрешали, поэтому я присела на краешек кровати и пожалала его протянутую ладонь.

– Ну как ты? – в душе зашевелился росток жалости, но я вырвала его с корнем. Папе не нужна жалость, он сильный и справится. А мы с мамой будем рядом, чтобы поддержать его и помочь.

– Нормально... – голос звучал немного сипло и неуверенно, как будто он отвык разговаривать. – Вот только... вставать... не дают, чувствую... себя старой... развалиной.

Почти после каждого слова он делал паузу, набирая воздух, а может, и вспоминая слова. Я взглянула на маму. Её глаза блестели от слёз, но на губах играла улыбка. И лицо было счастливым.

И я решила придерживаться такого же настроения – главное, что он жив, а с остальным разберёмся.

Спустя час нас с мамой выставили из палаты. Папу повез-

ли на процедуры, а нам посоветовали хорошенько выспаться, отдохнуть и приехать после обеда.

Маме советовали настоятельно, ко мне, скорее, обращались с просьбой проследить, чтобы она этому совету последовала. И я пообещала медсестре, что проконтролирую маму, заставлю её и поесть, и отдохнуть.

Она сопротивлялась, но не слишком сильно. Всё-таки и правда устала. Ночь, проведённая в неудобном кресле, никому не идёт на пользу.

Поэтому я увезла её домой, накормила сытным завтраком, а потом отправила спать, пообещав, что разбужу сразу же, если вдруг из больницы будут какие-то сообщения.

Сообщения были, но не из больницы.

Ярослав писал мне каждые несколько минут. Поначалу я молчала, то ли смущаясь, то ли раздумывая, а может, просто наслаждаясь его фантазиями. Постепенно он смелел. И его сообщения становились всё более откровенными.

Меня бросало в жар от некоторых слов, обещания становились всё более горячими. И незаметно для самой себя я тоже включилась в игру. Отвечала, реалистично сообщая о своих ощущениях.

В итоге Логинов не выдержал и написал:

«Я сейчас приеду».

«Нет», – испугалась я, – «Не надо. Я с мамой».

«Надеюсь, ты не читаешь ей вслух мои сообщения?»

«Боюсь, она поставила бы меня в угол или на колени на

горох, если бы узнала, о чём мы переписываемся».

«Мне нравится мысль поставить тебя на колени, но и в углу тоже неплохо».

Нет, он не может продолжать в том же духе. Я сейчас расплаволюсь. Внизу живота уже тянуло сладким предвкушением. Я хотела его. Не было смысла это отрицать.

«Мне тоже нравится эта мысль», – набрала сообщение и тут же стёрла.

Что я делаю! Зачем играю в эти игры?

Я ведь ничего не решила. У меня есть Сева, а я так легко собираюсь изменить ему, как будто эти два года вместе ничего не значат...

Я не могу так поступить.

Чувство вины немного охладило пыл.

С этим Логиновым я лишаяюсь способности здраво рассуждать. Мозг как будто отключается, и работают только инстинкты. Желания тела.

Но как же хочется перестать сопротивляться и позволить Логинову сделать всё, о чём он писал. И даже больше.

Глава 8

Через две недели папу выписали из больницы.

Дом был абсолютно готов к приёму выздоравливающего.

Из кухни полностью исчезли вредные продукты. Не стало даже колбасы, которой периодически баловали Мурика. Мама запретила мне бутерброды с маслом по утрам и тосты со сгущенкой.

Ведь папе нельзя нервничать. А вредная пища непременно вызовет у него эмоциональное потрясение.

Единственное, что удалось отстоять – это кофе. Я заявила, что без этого напитка просто не смогу функционировать. Но, чтобы у папы не возникало соблазна променять свой изысканный травяной чай на мой вредный для здоровья кофе, пить его разрешалось только в беседке.

Дабы не смущать отца ароматами...

– Мам, ты не перебарщиваешь? – спросила я её.

Она задумалась на пару секунд, а потом помотала головой:

– Главное – это здоровье твоего отца, – заявила с уверенностью и продолжила выкладывать из холодильника «запрещённые» продукты.

Мы с Муриком и чашкой кофе сбежали на улицу. Если мама была в чём-то уверена, никаких возражений она не слышала. Это я уже хорошо знала.

Она взяла отпуск, чтобы ухаживать за отцом, следить за его реабилитацией и поддерживать, пока «наш папа переживает сложный период».

В общем, я ему не завидовала.

Хотя, если подумать, мама была права. Она ведь хочет, чтобы её любимый мужчина был здоров. А жёсткие методы... Наверное, без них не обойтись.

Машину папе пока водить не разрешили. И мы забирали его на такси. Ярослав предлагал свои услуги, но я пока не была готова подпустить его так близко к своей семье. К тому же не знала, как его сейчас воспримет отец.

На протяжении этих двух недель Логинов устроил мне затяжную осаду. Он был повсюду. Мой день начинался с его эсэмэс и заканчивался ими же.

Несколько раз мы обедали вместе в кафе и один раз ужинали. Гуляли с Гердой по берегу вечерами, а однажды я почти решилась искупаться вместе с ним, но в последний момент передумала, испугавшись.

Когда мы с мамой собрались на рынок за свежими овощами для папы накануне его возвращения, Ярослав вызвался нас подвезти. Он мужественно нёс все пакеты от прилавка к прилавку, а потом от машины до дома.

Мама пригласила его пообедать с нами. Логинов вопросительно взглянул на меня, а я растерялась, неуверенная, что готова видеть его на нашей кухне рядом с моей мамой. Тогда он оставил покупки на столе и попрощался.

Проходя мимо меня, Ярослав на секунду остановился, склонился к моим волосам и шумно втянул воздух.

– Я буду ждать, пока ты сама придёшь ко мне, – шепнул на ухо, обжигая дыханием, и вышел на улицу.

Я прислонилась к стене, готовая сползти на пол и растечься лужицей, но уловила ехидный мамин взгляд:

– И что ты мужику нервы мотаешь? Он тебя уже проглотить готов.

Я сделала вид, что очень увлечена разбором продуктов, и ничего не ответила. Может, потому что и сама не знала, почему не могу решиться. Я хотела Ярослава так же сильно, как и он меня. Но всё же что-то не давало мне сделать последний шаг.

Вечером следующего дня папа вернулся домой.

Он был рад.

Сначала зашёл в сад, проверил свои розы, которые, словно ожидая его возвращения, расцвели, наполняя воздух упоительным ароматом. Погладил выбежавшего навстречу Мурика, ласкавшегося о его ноги. И улыбнулся так радостно, что у мамы на глазах снова выступили слёзы. Отец приобнял её и поцеловал в щёку.

В этот миг я готова была и сама разреветься, понимая, как люблю своих родителей и как рада, что они у меня есть.

Утром папа спустился, когда я варила кофе.

– Налей и мне чашечку, – попросил он.

Я даже не успела ничего ответить.

– Никакого кофе! – раздался сверху дикий вопль.

Мы с отцом переглянулись. И я быстро пошла на улицу. Мама ещё на лестнице начала выговаривать ему за потакание старым слабостям, которым больше нет места в его жизни.

К счастью, захлопнувшаяся дверь лишила меня необходимости слушать продолжение разговора. Я очень сочувствовала папе, хотя и понимала, что всё это ради его же пользы. Но всё же очень захотелось ненадолго сбежать из дома.

И я позвонила Логинову.

– Что делаешь?

– Жду твоего звонка, – судя по голосу, Ярослав только что проснулся. Скорее всего, это я его разбудила.

Представила, как он лежит в постели, обнажённый до пояса, а ниже прикрытый простынёй, которую так легко стянуть...

– Я хотела прогуляться, может, вы с Гердой составите мне компанию?

– Буду через полчаса.

– На прежнем месте, хорошо? – успела сказать я, прежде чем он отключился.

Ровно через двадцать восемь минут я ждала его на повороте, за четыре дома до моего. Себя успокаивала тем, что не хочу волновать папу. Но на самом деле, понимала, пока мы просто общаемся и целуемся, всё это как бы не всерьёз. Я могу ничего не менять, не испытывать вины перед Севой, не думать о будущем.

Но как только я сдамся и подпущу Ярослава ближе, всё тут же изменится. Он не из тех мужчин, что довольствуются лёгким романом на пару-тройку недель. Я знала, что он захочет большего. И поэтому медлила и тянула время. Потому что никак не могла решиться.

Через минуту на дороге появился внедорожник Логинова. Он затормозил таким образом, что пассажирская дверь оказалась прямо напротив меня.

Позёр.

Я потянула за ручку и забралась внутрь.

– Привет, Герда, – первым делом поздоровалась с собакой и обернулась к заднему сиденью, где она обычно ездила. Но там было пусто. Растерянно посмотрела на Логинова: – А где Герда?

Ярослав повернулся ко мне. За тёмными стёклами солнцезащитных очков было не разобрать выражения глаз.

Уголки его губ разъехались в стороны, обнажая зубы в улыбке:

– Ты же позвала меня на свидание, Герда решила нам не мешать и осталась дома.

От обещания в его голосе по коже побежали прохладные мурашки.

И главное, не к чему придраться. Действительно, это я ему позвонила и пригласила. Вот только сама не знаю куда...

– Куда мы едем?

Я смотрела на профиль Ярослава и думала о том, какой же он красивый. За эти годы Логинов изменился совсем немного, разве что в облике добавилось мужественности. Та же харизма, то же чувство юмора на грани, из-за которого иногда так и хочется огреть его чем-нибудь по голове.

Вот и сейчас он лишь улыбнулся уголком губ и, даже не повернувшись, ответил:

– Увидишь.

И пока я не продолжила расспросы, включил радио и поймал волну с энергичной песней, сделав звук погромче.

Ну ладно, запомним.

Я, конечно, не злопамятная, но память у меня хорошая.

Сделала вид, что мне совсем не интересно, что он там задумал, и уставилась в окно. Я просто люблю природой.

Тем более за окном на самом деле было красиво.

По правую сторону от дороги выстроились крупнолистные акации, которые так меня удивили ещё в школе. С левой стороны стояли платаны, похожие на клёны, но с такой тонкой корой, что иногда казалось, и вовсе её лишены.

А дальше по обе стороны стелились поля, поля, поля. И ещё немножко виноградники на склонах.

Вдруг подумалось, что десять лет назад я никуда здесь не ездила и так и не увидела Краснодарский край. И сейчас Логинов везёт меня куда-то в неведомые дали. Ведь я даже не знаю, куда ведёт эта дорога.

Ехали мы часа полтора и всё это время почти не разгова-

ривали. Не считая тех редких моментов, когда Ярослав просил достать с заднего сиденья термос и налить кофе.

Я не помнила, чтобы раньше он был заядлым кофеманом. И сейчас пометила это как одно из изменений. Наверняка их множество набралось за эти годы, просто не сразу бросаются в глаза.

Мне хотелось узнать, что ещё в нём изменилось. Что он любит сейчас, а что навсегда осталось в прошлом...

И тут же одёрнула себя – это не имеет значения, ведь я скоро уеду, и мы с Ярославом снова расстанемся. На этот раз навсегда...

Наконец машина сбросила скорость. И как раз вовремя, заставляя меня отвлечься от грустных мыслей.

Мы подъехали к полосатому шлагбауму и остановились. К машине подошёл седой высокий мужчина в чёрной форме охранника, записал время прибытия и выдал талон на парковку.

Помня ответ Логинова, я не задавала вопросов. Но, судя по его спокойствию, всё шло, как надо, и мы приехали, куда планировали. Точнее он планировал.

На парковке было полно машин. Всюду сновали люди, многие были с детьми.

Я огляделась по сторонам и заметила прибитые к столбу большие деревянные указатели с написанными разными цветами названиями: «Контактный зоопарк», «Ресторан», «Канатная дорога».

Канатная дорога? Что он задумал?

Ярослав взял меня за руку и повёл на широкую площадку, заполненную людьми.

Сразу за парковкой располагались ряды сувенирных лавок. Здесь было шумно. И я невольно увлеклась разглядыванием всяких магнитиков, украшенных ракушками поделок, бисерных кошелёчков и прочей туристской атрибутики.

– Ой, смотри, ковбойские шляпы!

Они висели на стене – белая и светло-коричневая, прошитые тёмными толстыми нитями, похожими на кожаные шнуры.

Я полюбовалась на экзотику и уже хотела отойти, но Логинов удержал меня за талию:

– Мы берём обе, сколько?

– Ты что, – шепнула я тихонько, разглядывая людей вокруг. На некоторых были кепки, на ком-то панамы, в крайнем случае косынки. И ни одной ковбойской шляпы. – Не надо. Будем выглядеть глупо...

– Но тебе же понравилось, – удивился Логинов.

– Понравилось, но... – вот как ему объяснить, что представлять себе что-то и решиться на это – совершенно разные вещи.

– Значит, берём, – Ярослав расплатился и протянул шляпы мне: – Ты какую хочешь?

– Белую, – я чувствовала себя ребёнком, которому вдруг преподнесли большую порцию сахарной ваты.

Логинов тут же напялил коричневую, помог мне затянуть шнурок под подбородком, и мы двинулись дальше как заправские ковбои, явившиеся напрямиком с Дикого Запада.

– Как насчёт сахарной ваты? – чуть впереди располагалась тележка с яркой вывеской.

Он что, читает мои мысли?

Я ведь не говорила о вате вслух. С ней связана трагедия моего детства. Из-за диатеза мама ни разу не покупала вату, и мне оставалось лишь с завистью наблюдать, как другие дети отрывают воздушные кусочки и едят их с выражением непередаваемого удовольствия на лице.

Нет, Логинов точно читает мои мысли, потому что, даже не дожидаясь ответа, он повёл меня туда, где уже выстроилась небольшая очередь из детей с родителями.

И мы, двое чудиков в ковбойских шляпах, пристроились сзади. Дети шептались, оглядывались на нас, показывали пальцами и громко обсуждали. Я бы уже давно смутилась и убежала, но незыблемое спокойствие Логинова удерживало меня на месте.

Постепенно это спокойствие передалось и мне. И я подумала, что могу ненадолго перестать анализировать каждый свой поступок, оглядываться на мнение других. Почему мне нельзя просто расслабиться и получать удовольствие?

И это оказалось совсем несложно. К тому очень здорово.

Когда Ярослав вручил мне огромную шапку розовой ваты, я запрыгала на месте и захлопала в ладоши. Как это сделала

пятилетняя девочка, что стояла в очереди перед нами.

Несмотря на большой размер, вата была совсем лёгкой. Я долго несла её, разглядывая со всех сторон и не решаясь нарушить её совершенную целостность.

Логинов оказался менее щепетильным. Он резко вытянул руку и оторвал большой кусок, который тут же в несколько приёмов закинул себе в рот, не забывая прикрывать глаза от удовольствия.

– Эй! Это моя вата! – возмутилась я, отворачиваясь и пряча её от его загибающих ручищ.

– Ты всё равно не ешь, – ничуть не смутился он, облизываясь.

Я отщипнула свой кусочек. Попробовала. Вата оказалась сладкой. Волокна таяли во рту, оставляя после себя немного приторное послевкусие.

Пока я пыталась распробовать и понять, нравится ли мне этот вкус, Ярослав отщипнул ещё кусочек.

– На, тогда и носи, – сунула палочку ему в руку и начала отщипывать у него кусочки.

Кстати, так оказалось вкуснее.

Логинов опешил от такой наглости. У него было столь забавное выражение лица, что я не удержалась – достала телефон и сделала несколько кадров.

Блин, почему не взяла с собой камеру?

Фотографироваться с ватой Ярославу понравилось, особенно с розовыми усами, которые я ему сделала, а он при-

жимал их верхней губой к носу, чтобы не слетели.

Мы ещё сделали несколько селфи. Приподняв шляпы в приветствии, прижимая их к груди как просители, помахивая ими на прощание.

Оказалось, что ковбойские шляпы и сладкая вата – это очень весело. Хотя вата – вкуснее в детстве.

Так, смеясь и доедая последние волокна, мы подошли к кассе.

– Два билета на канатную дорогу, – сказал Ярослав.

Давно я не чувствовала такого по-детски острого предвкушения.

Канатная дорога.

Это же... прямо как в кино.

Перед нашим приездом прошёл совсем небольшой дождик. Но сиденья успели слегка намочнуть. И два работника парка в чёрных жилетках с эмблемой стелили на них голубые клеёнки.

Когда подошла наша очередь садиться, парни велели встать на отмеченную жёлтым скотчем линию. Было видно, что для них это обычная рутина, и беспокоиться не стоило.

Но я всё равно немного напряглась, потому что не совсем понимала, как будет происходить посадка. Кресла не останавливались, они беспрестанно двигались, подхватывая людей под ягодицы и унося далеко. Вперёд и вверх.

Неожиданно сильно толкнуло сзади в бёдра, я охнула и села. Зашуршала клеёнка.

Обалдеть!

Ярослав опустил поручень и, улыбаясь, посмотрел на меня.

Видимо, на моём лице отражалась вся гамма эмоций, потому что он улыбнулся ещё шире и, наклонившись ко мне, поцеловал.

– Ты офигенная, – прошептал прямо в губы. И у меня во второй раз за несколько минут захватило дух.

Ярослав отстранился, и я, опершись о поручень, наклонилась вперёд. Земля оставалась всё дальше и дальше. Кроны деревьев, лишь недавно возвышавшиеся, казавшиеся исполинами, теперь были в нескольких метрах подо мной.

Мы поднимались довольно медленно, но от происходивших изменений захватывало дух.

Как же здорово!

Хотелось вскочить на кресло и, раскинув руки, закричать от восторга.

– Обернись, – посоветовал Логинов.

И я посмотрела назад.

Надо же, а я уже думала, что видела всю красоту. Но за нами далеко внизу, раскинулась геленджикская бухта, облепленная по краю красными крышами домов, как опушка подосиновиками.

Смотреть назад было не слишком удобно, но я никак не могла остановиться, продолжая впитывать эту потрясающую панораму глазами.

И почему я не взяла камеру?!

– Насмотришься сверху. А сейчас давай сделаем селфи? – предложил Логинов, и я достала телефон.

Ярослав приблизил своё лицо к моему, и мы сфотографировались на фоне бухты, на фоне неба и деревьев.

Я смеялась и махала рукой тем, кто, возвращаясь, двигался мне навстречу. Мне махали в ответ и кричали: «Классные шляпы».

– Я так хочу тебя, что даже больно, – вдруг сказал Логинов.

Сердце пропустило удар, а потом забилось сильно-сильно, поднявшись до самого горла и снова падая вниз.

Я промолчала, делая вид, что увлечена разглядыванием проплывавших по дну оврага можжевельников, дубов и ещё каких-то деревьев и кустарников, названия которых не знала. Но почему-то именно сейчас вдруг стало очень важным хорошенько их рассмотреть.

По дороге вверх мы больше не разговаривали. Я пыталась унять бешено колотящееся о грудную клетку сердце, а Логинов делал вид, что вовсе ничего не говорил.

Вот только он сказал, и мы оба это знали.

К счастью, скоро мы достигли верха. Нам помогли покинуть кресла два сотрудника в таких же чёрных жилетах. А третий рассказывал о том, что по дороге нас сняла фотокамера, и мы можем приобрести фотографию, если пройдем сначала налево, а потом вверх по лестнице.

Я поднималась, словно сомнамбула. В голове звучали его слова. А ещё появлялись фантазии, сначала только картин-ки, но постепенно они обретали звуки, запахи и ощущения. Я чувствовала жар его тела, гладкость его кожи.

Мне самой стало невыносимо мучительно, что не могу сейчас же прижаться к его обнажённому телу.

– Пошли, – я потянула Логинова за руку, когда он уже во-шёл в небольшое помещение, где прибывшие до нас туристы разглядывали снимки.

– Куда? – удивился Ярослав, продолжая осматривать гла-зами очередь и фотографии в рамочках на стенах. Он явно собирался приобрести наше фото.

– Не спрашивай, пойдём, – мой голос изменился, стал низ-ким и тягучим.

Логинов посмотрел мне в глаза и, кажется, нашёл там от-вет на свой вопрос, потому что молча вышел вслед за мной.

Я тащила его вверх по лестнице, а затем по вымощенной камнем дорожке меж деревьев в поисках тихого места, где нам никто не помешает. В голове пульсировало, и, казалось, если сейчас же не получу того, что хочу до дрожи в коленках, то просто взорвусь, разлечусь на тысячи осколков.

Наконец людские голоса стихли. Я свернула с дорожки и углубилась в кустарники, почти не думая о том, что проис-ходит вокруг. Словно на автопилоте, движимая одной лишь целью.

Через несколько минут мы упёрлись в ограду.

– Чёрт, – она была выкрашена в зелёный цвет, и я, не заметив, налетела на неё. А Логинов не успел удержать.

Но он тут же дёрнул меня к себе, развернул и впился в губы долгим, жадным поцелуем. Я отвечала ему с той же жаждой, нащупывая ремень его джинсов, стремясь как можно скорее избавиться от преграды.

Логинов прижал меня к ближайшему к ограде дереву, и последнее, о чём я сумела внятно подумать – хорошо, что надела платье, а не шорты, как собиралась.

Это было быстро и жадно, без малейшего намёка на нежность. Но она и не была нам нужна, мы слишком изголодались друг по другу за эти долгие десять лет.

Несколько минут спустя мы так и стояли, по-прежнему слившиеся, бывшие единым целым, не в силах отдышаться. Логинов упёрся лбом в мой лоб и смотрел, смотрел, смотрел. Потом сипло прошептал:

– Вообще-то, я думал об удобной постели, но так тоже неплохо.

Я всхлипнула. От смеха.

А потом раздались громкие голоса. И мы быстро оторвались друг от друга. Ярослав пытался застегнуть ремень, но никак не мог совладать с ещё дрожавшими непослушными пальцами, а я искала затерявшиеся в траве трусики.

Не знаю, что подумали гулявшие по лесу туристы, когда мы вывалились из кустов. Помятые. Взъерошенные. Всё ещё тяжело дышавшие.

Мне было всё равно.

Я была счастлива. Полностью и абсолютно.

Держась за руки, мы с Ярославом шли по лесной дорожке.

Куда? Это не имело никакого значения.

Всё потеряло свою значимость – прошлое, будущее. Осталось лишь настоящее, только здесь и сейчас. И мы двое наедине с вечностью.

Людей нам попадалось всё меньше, словно они, чувствуя наше единение и свою ненужность, постепенно покидали парк.

Когда мы вышли на широкую поляну, где расположился тир, рядом не было никого из туристов.

– Давай постреляем? – мне было так хорошо, что казалось совершенно не важным, чем заниматься. Мы могли пройти мимо или остановиться, это ничего бы не изменило.

Но Ярослав кивнул, сворачивая к тиру. А молодой человек в чёрной жилетке с эмблемой уже радостно нам улыбался, рассказывая, какие прекрасные призы здесь можно выиграть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.